

Михаил Михеев

T-34

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Михаил Александрович Михеев

Т-34

Серия «Военная фантастика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33575255

Т-34 : роман / Михаил Михеев: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-114330-5

Аннотация

Эти люди – не герои и супермены, плевками сбивающие самолеты и из пистолета поджигающие танки. Они – наши современники, волей контракта попавшие в далекое прошлое. И больше всего они хотят выжить и вернуться домой.

Разный опыт, разные убеждения, разные умения... Смогут ли они адекватно ответить на вызовы, которые им бросает война? И кому доведется вернуться домой? Это будет ясно позже, а пока – на дворе 41-й год и дорога, по которой мчит, лязгая гусеницами, Т-34!

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

95

Михаил Михеев

Т-34

*Трещит земля, как пустой орех,
Как щепка трещит броня.
А Боба вновь разбирает смех:
Какое мне дело
До вас до всех?
А вам до меня!*

М. Соболев «Песня о погибших пилотах»

– Если ты, скотина, еще раз к ней руки протянешь, я тебе джойстик откручу.

Голос звучал лениво и неторопливо, по-хозяйски. За одну эту нотку барственности какой-нибудь Майк Тайсон уже отгрыз бы посмевавшему открыть рот ухо. А за смешки, которые дружно, словно по команде, издала окружившая Его Величество кодла, еще и нос бы откусил. Скоты...

Не сейчас, только не сейчас. Драться с этими убудками желания нет от слова «ваще». Другие планы, другие задачи, а главное, им сойдет с рук, а его запросто вышвырнут из универа. И тогда...

Что «тогда» – не хотелось даже гадать. Достаточно представить лицо матери – и все. Но вот только как теперь быть? Их четверо, он один. У дебилов такое соотношение сил желание помахать кулаками вызывает автоматически. Черт! Ва-

риант бежать... Противно...

В таких ситуациях долго размышлять вредно. И сейчас эта истина подтвердилась. Один из «шестерок», видимо, решил выслужиться перед боссом и, подойдя к жертве, дал ей звучного щелбана. А дальше... Дальше тело сработало автоматически – и понеслось!

Раз! Охамевший дятел с удивлением смотрит на палец, вывернутый под неестественным углом. Боль придет позже где-то на секунду, но к тому моменту палец уже перестает его интересовать. Зато начинают привлекать к себе внимание отбитые... гм... гениталии. Шаг вперед. Тело свивается, будто пружина – и распрямляется. В финальной точке движения кулак аккуратно соприкасается с кончиком подбородка второго противника. Тот нечленораздельно хрюкнул и плавно, словно из него разом выдернули кости, стек на пол. Похоже, у него если не нокаут, то уж нокдаун точно. Чуть сильнее – и гарантированный перелом челюсти. Множественный. Но так даже лучше, разница между побитым хамом и покалеченным студентом для закона огромна. Третий только-только начал соображать, что процесс движется как-то не совсем правильно, однако довести мысль до логического завершения не успел. Вместо этого он ушел в ближайшую стену, трижды соприкоснулся с ней затылком и сполз на грязный пол, безучастный к происходящему. И остался на ногах только главнюк, тоже не сообразивший пока, как изменилась ситуация.

– Ну что, поговорим?

– Да ты...

Взмах руки, резкий, но широкий и неумелый. Чуть пригнуться, пропуская его над головой. И – раз-два-три – по морде.

– Н-на!

Увидеть заваливающегося назад противника со сведенными к переносице, изумленными и бессмысленными глазами. И голос за спиной, как всегда невовремя:

– Так-так-так, и что это здесь происходит?

Два часа спустя он сидел в кабинете декана, и настроение было – гаже некуда. Сам декан восседал за столом и мрачно оправдывался:

– Александр, ну, я такого даже не ожидал, извини уж...

– Да ладно, Паш, все нормально, – его собеседник, поморщившись, махнул рукой. – Что, мы с тобой по молодости из-за девчонок никогда и ни с кем не дрались? Ты мне лучше скажи, что теперь с этим орлом делать?

Оставалось сжаться в комочек и не отсвечивать, потому что конкретно этот человек и впрямь мог сделать с ним чего угодно. Господин Колобанов, известный в городе предприниматель и меценат. Если верить слухам, один из богатейших людей – естественно, по меркам их замшелой провинции. Какая-то должность в мэрии – но на первые роли Колобанов никогда не лез, что ничуть не умаляло его возможностей и реального веса. И нищий студент, рискнувший набить

морду его племяннику, в данной ситуации мог рассчитывать лишь на неприятности.

– Итак, я слышал вашу версию, молодой человек, – Колобанов сам был не стар, по виду, несмотря на заметную седину в волосах, и сорока не было, но такое обращение его, похоже, забавляло. – Слышал версию моего непутевого племянша. Остается единственный вопрос – кому из вас я должен верить?

– Дядя, я...

– А ты молчи, – голос бизнесмена внезапно стал жестким, слова падали, как расплавленный свинец. – Позорище! Вначале решили помахать кулаками. Молчать! А потом вчетвером – вчетвером! – получили по морде от одного. Мне-то мог бы и не врать. Вы устроили свои тупые разборки прямо под камерой видеонаблюдения. Знаешь, я могу простить то, что ты ведешь себя, как мажор. Но вот глупость... Паш, сделай ему отчисление. По собственному желанию, ес-сно. Поумнеет – восстановится.

– А...

– Ключи от машины. Карту. И пшел вон.

Судя по всему, авторитетом дядюшка пользовался непрекаемым. Во всяком случае, ему даже не потребовалось повышать голос – племянник беспрекословно выложил на стол ключи от своей шикарной бабовозки марки «Порше» и пластиковую банковскую карту. А потом встал и с видом побитой собаки вышел. Колобанов дождался, пока тяжелая дверь

мягко, но в то же время солидно закроется, вздохнул и с какими-то тоскливыми нотками сказал:

– Знаешь, Паш, не пойму, в кого это чудо уродилось? Ты же его помнишь мальчишкой, нормальный пацан был. И что стало?

– А ты его упустил, – махнул рукой декан. – Слишком долго у тебя своих детей не было, вот и баловал племянников. И добаловал, что они о себе возомнили не по чину. Сколько на то, что он за вечер в клубе тратит, ты мог в свое время жить? Месяц? Два?

– А-а... – махнул рукой бизнесмен, встал, прошелся по кабинету, заметно прихлопывая левую ногу. Поймал удивленный взгляд и вдруг подмигнул: – Не дрейфь, парень. Я, конечно, сволочь, но без нужды не обижу. Паш, подтверди.

– Угу, – хмыкнул декан. Голос прозвучал как-то странно.

– Вот видишь. Тебя как зовут?

– Сергей... Сергей Хромов.

– Ну, а как меня зовут, ты уже знаешь. Ты храбрый парень. Немногие рискуют влезть в конфликт с человеком, за спиной которого стоит кто-нибудь вроде меня.

– Надоело все, – с внезапной злостью прошипел Сергей. – Ненавижу я вас всех. Хозяева жизни...

Он бы, наверное, еще много что сказал, но Колобанов внезапно хлопнул в ладоши. Трижды. Это было так неожиданно, что студент осекся на миг. Паузы хватило:

– Может, и хозяева, – голос Колобанова звучал стран-

но-задумчиво. – Паш, как думаешь, он нам подходит?

– Не знаю, – декан пожал широченными плечами. – Во всяком случае, он лучше прочих. Так что... Почему бы и нет?

– В любом случае, решение принимать не нам. Хромов, где драться научился?

– То там, то сям...

– То там, то сям... Первый разряд по боксу и самбо, секция рукопашного боя, – хмыкнул декан. – Пожалуй, с ним тяжело было бы справиться даже мне.

Хромов посмотрел на него удивленно, талантов бойца он за деканом никогда не подозревал. Равно как и того, что хоть кто-то здесь в курсе его старых увлечений. Колобанов понимающе кивнул:

– Откуда ты родом?

– Не все ли равно?

– Пробьём. Ладно, если не боишься, готов заработать много денег и не иметь при этом проблем с законом, завтра жду тебя здесь же. Если ты нам подходишь, разговор продолжится. Если нет – получишь некоторую сумму в компенсацию за потерянное время.

– А если я... не приду?

– Будешь жить, как прежде. Студентом без особых перспектив. Репрессий не будет, обещаю... Ну а согласишься – я уже озвучил. Только имей в виду, риск прилагается. Деньги так просто не даются.

На следующий день, сидя в громаде колобановского «Мерседеса», Сергей с любопытством оглядывал невиданный ранее салон. В такой машине он ехал впервые в жизни. Однако надо признать, наскучило это быстро. Салон выглядел... безлико. Качественно, утилитарно, просторно – но не более того. У других хозяев салоны увешаны побрякушками, на креслах какие-то чехлы... Здесь – ничего, что говорило бы о хозяине. Ни пылинки, образцовый порядок, словно машину только-только забрали из автосалона.

А так – ничего себе машинка, удобная, и даже с заднего сиденья чувствовалось, насколько тесно в городской толчее могучему двигателю. Сидящего за рулем хозяина это, впрочем, не беспокоило, он ехал неторопливо, даже вальяжно, и лихачить не пытался. Хотя, тут уж можно не сомневаться, уж его-то бы дорожная полиция тормозить не стала.

Но – ехал, неспешно переговариваясь с развалившимся на правом сиденье деканом. Сергей прислушался было, однако ничего интересного не услышал. Похоже, эти двое знали друг друга очень давно и обсуждали что-то, понятное только им. Сообразить, о чем идет речь, да еще и в середине разговора, было сложновато. Хромов и не пытался – все равно скоро приедут, и вопросы разрешатся сами собой.

К удивлению Сергея, приехали они не в район, застроенный элитными коттеджами, и даже не в центр города, а на окраину, где стояли старые, изрядно потрепанные жизнью кирпичные пятиэтажки. Но, стоит признать, был в них ка-

кой-то уют, начисто пропавший во многих более современных зданиях. Еще пять минут – и все трое вошли в небольшую квартиру на пятом этаже. Простую, но очень функциональную.

– Проходи, садись, – махнул рукой Колобанов. – Паш, займи его пока чем-нибудь, я чайник поставлю.

Он и впрямь принялся греметь посудой, а потом ушел в дальнюю комнату, чтобы вернуться уже без пиджака и галстука, можно сказать, по-домашнему. Это время Сергей потратил на то, чтобы оглядеться и сделать кое-какие выводы. Невеликие, конечно, однако же, судя по всему, в этой квартире бизнесмен жил в те времена, когда не был еще настолько богатым, чтобы покупать целые дома. И, похоже, захаживал сюда он частенько, то ли из ностальгии, то ли еще почему. Квартира выглядела вполне обжитой, да и встреченный на лестнице сосед поздоровался с Колобановым привычно и без удивления.

– Итак, ты, наверное, гадаешь, с чего попал в нашу веселую компанию? – поинтересовался Колобанов, аккуратно поддёргивая брюки на коленях и опускаясь на диван. Сергей в ответ пожал плечами:

– Думаю, скоро сами расскажете.

– Речь не мальчика, но мужа... Однако сейчас у тебя последний шанс отказаться, выпить чаю и уйти с гордо поднятой головой. Репрессий не будет.

– А иначе что? Услышу непристойное предложение, а по-

том или соглашусь, или исчезну без следа? – это прозвучало с некоторым вызовом, но, как ни удивительно, никого не разозлило. Декан хрюкнул, давясь смехом, Колобанов же и вовсе лишь плечами пожал:

– Да нет, все просто. Ты прикоснешься краешком к тайнам, а потом всю жизнь будешь жалеть, что упустил шанс. Даже не денег заработать, а влезть с головой в самое невероятное приключение своей жизни.

– Уверены, что мне нужны приключения?

– Ми-илай! – покровительственно усмехнулся бизнесмен. – Ты что, думаешь, я о тебе только вчера узнал? Извиняй, тебя изучили вдоль и поперек. И студента Хромова, и еще кое-кого. Разочарую тебя, в списке подходящих нам кандидатур, которые Павел очень старательно рассматривал, ты был далеко не первым номером. Просто... так получилось, что я столкнулся с тобой раньше, чем с остальными. Может, это судьба.

Сергей промолчал. Под спокойным, ни разу не ехидным взглядом Колобанова и чуть покровительственным декана он чувствовал себя не вполне уютно. Сейчас перед ним были люди, способные попросту стереть его в порошок. И, в то же время угрозы от них не исходило. Ну вот не пытались они угрожать, ни словом, ни жестом.

– Хорошо, я согласен.

– Это радует, – фразу Колобанова прервал резкий свист. Бизнесмен поморщился. – Паша, выруби чайник, пожалуй-

ста. И тащи кружки-ложки, ну и все, что найдешь. Сергей, тебе чай или кофе?

– Чай.

– Мне тоже. Все, давай, давай, что где сам знаешь. А я пока кое-что достану.

– А ты что расселся? – декан посмотрел на Сергея удивленно. – Руки мой – и помогай. В темпе, в темпе.

Чай был так себе, из пакетиков, зато варенье вкусное. Клубничное. Разговор ни о чем... И, лишь когда они закончили, Колобанов наконец перешел к делу.

– Что ты думаешь вот об этом? – на стол лег альбом с фотографиями. Сергей взял его, открыл. О-па! Сказать, что он был удивлен, значило ничего не сказать.

– Вы что, реконструкторы? – поднял он глаза на Колобанова. Тот лишь пожал плечами. Зато декан ухмыльнулся:

– Вот потому, что все подумают так же, даже если ты откажешься и начнешь орать на каждом углу, какие мы сволочи. Пальцем у виска покрутят – и все. Мало ли увлечений у не наигравшихся в войну стариканов? А на самом деле все эти фотографии – подлинники.

Вот теперь желание покрутить пальцем у виска как-то резко возникло уже у Сергея. Подлинники! Да на одних Колобанов с деканом в средневековых одеждах, на других – в форме красноармейцев, на третьей вообще в тоги римские вырядились. И таких фото – десятка три, если не больше. Правда, они на этих фото помоложе выглядят, но вполне узнаваемы.

– Ты фантастику читаешь? Читаешь-читаешь. Не слишком много, так, в числе прочего, но все же. И наверняка читал книги про параллельные миры, – Колобанов встал, прошелся по комнате, вернулся к столу, уперся в него ладонями и навис над Сергеем. – Это – не фантастика. Именно прогулками по иным мирам мы в свое время и заработали и деньги, и свое положение¹. И предлагаем тебе присоединиться к нашему дружному коллективу. Кстати, коллектив – вторая причина, по которой твои вопли ни к чему не приведут. Мы не одни, за нами Контора, мало кому известная, но обладающая определенным влиянием. И уж сделать так, чтобы тебя приняли за идиота, пытающегося таким дурацким способом отомстить обидевшим тебя богатеньким буратино, она сможет запросто. Ну так как, в ряды вливаешься?

– В каком качестве? – Сергей еще не избавился от шока и спросил механически, на автопилоте. Колобанов лишь рассмеялся:

– Молодец, правильный вопрос. В качестве подопытного кролика, разумеется.

Рассказ Колобанова, несмотря на сухость изложения и ровный, спокойный тон, вышел захватывающим. Как оказалось, фантастическая, на первый взгляд, идея прогулок по иным мирам давным-давно решена. Только мало кто об этом знает.

И Колобанов, и декан в этом деле уже давно. Больше пят-

---

¹ См. роман «Стрелок».

надцати лет. И занимаются они нечем иным, как разведкой иных миров. Вот, кстати, причина того, что декана так часто нет на месте. Все считают, что он бизнесом занимается. И впрямь занимается, но он – лишь прикрытие. А основное – как раз походы за грань. И хромота Колобанова оттуда же – в последнем выходе получил ранение, стыдно признаться, в ягодицу. Не смертельно, но и не сахар. Впрочем, не привыкать – и раньше доставалось.

Так вот, эти двое в организации, исследующей и грабящей (ну, не то чтобы грабящей, но Колобанов открытым текстом объяснил, что трофеи – это святое) параллельные миры, были людьми не последними. Работая с самого начала, просто в силу заслуг рядовыми не останешься. Не последними, да. Но и, как ни крути, далеко не первыми. А у руководства имелись определенные планы, далеко выходящие за рамки возможностей обычной разведгруппы.

Ближайшим из этих планов был... эксперимент. Дело в том, что параллельные миры фактически один в один повторяли историю их собственного. Имелись, конечно, и различия, но из тех, что рассмотреть можно разве что с помощью микроскопа. Однако, как показали результаты походов самого Колобанова, при достаточно длительном и мощном воздействии происходят какие-то изменения в энергетической картине межпространственного барьера. Какие воздействия? Бог их знает, разведчики регулярно ухитрялись наворотить такого, чего и в голливудских боевиках не увидишь.

Какие изменения? А вот это Колобанов объяснить тем более не смог, лишь руками развел. Теория процессов выходила далеко за рамки его понимания. Практику и не обязательно разбираться во всех тонкостях процесса.

Впрочем, теоретиков хватало и без него. И тогда решено было провести эксперимент с забросом группы в миры, стоящие примерно на уровне середины двадцатого века. Ориентировочно на год-два, причем, для его чистоты, требовались люди самые обычные, без спецподготовки и, желательно, даже без понимания того, что случилось. Шесть человек, больше не потянет установка межпространственного перехода. Обратно – сколько хочешь, а вот туда шестеро и ни человеком больше. Раньше вообще вдвоем ходили, на что-то лучшее энергии не хватало, однако времена идут, теория совершенствуется, да и аппаратура тоже.

Зачем ему об этом говорят? Да все просто. Чистота чистотой, но кто-то же должен притащить уцелевших обратно, к portalу. Ну, или хотя бы сам явиться. А ученые тем временем посмотрят, как вмешательство повлияет на состояние барьера. И нечего морду воротить, что людей на смерть без их согласия посылают. Все на самом-то деле согласились, и за неплохие деньги. Их только в детали не посвящали. Эксперимент по выживанию в особо сложных условиях. Ни словом не соврали, просто не уточнили детали. И предприятие совсем небезнадежное, тому примером и сам Колобанов, и миллионы переживших ту войну советских людей. Почему

выбрали именно его? Да потому, что физические кондиции хорошие, храбр, неглуп... И притом величина – убегающе малая. Помрешь – никто и не хватится, кроме разве что матери. Но ты ведь ей сам скажешь, что завербовался в экспедицию... Или в Иностранный легион, в Африку за длинным рублем рванул. Вариантов масса. Ну что, парень, рискнешь? За хорошую плату, а? Двадцать штук в год, и не рублей, естественно. Конечно, немного, но то, что там сможешь нагрести, твое все до копеечки. Когда отправляться? А вот завтра и начнем...

Сознание вернулось рывком, и этот процесс назвал бы приятным разве что законченный мазохист. Болела голова, во рту пересохло, а в глаза словно сыпанули песку. Ну и прочие признаки общей интоксикации организма, в народе именуемой похмельем.

Сергей покрутил головой, с усилием заставляя шею ожить, вернуть ей чувствительность. Черт! И ведь жаловаться-то некому, Колобанов его честно предупредил, что будет хорошая попойка, якобы в честь знакомства с коллективом. А что? Повод ничуть не хуже других. А на финал немного снотворного – и все, очнутся «выживальщики» уже на конечной станции своего маршрута. Вот только похмелья, увы, никто не отменял.

Сергей с немалым усилием заставил тело принять сидячую позу. Глаза вновь резануло – на сей раз солнечным лу-

чом, рвущимся сквозь неплотную завесу листвы. И это моментально сняло все сомнения. Ну да, он до последней секунды подозревал (и, чего уж там, надеялся), что все это – не более чем дурацкая шутка скучающего местечкового олигарха. Однако из октября перебросить в лето, да еще и, судя по самым обычным елкам, березам, осинам и прочим соснам, а также густо выющим комарам, лето самое обычное, среднерусское... Нет, это явно за пределами возможностей любого шутника, а значит, как ни фантастически все это звучит, они и впрямь в ином мире. Интересно только, в какую эпоху, и не выскочит ли из кустов неандерталец с дубиной.

– Что за черт!..

Сергей повернул голову влево и увидел, как из густой, хотя и немного пожухлой травы, поднимается, очумело мотая головой, Игнатьев. Одутловатое лицо профессионального прожигателя жизни было насыщенно-красным, покрытым мелкими бисеринками липкого даже на вид пота. Взгляд, правда, острый, цепкий – Игнатьев не только умел пить все, что горит, и трахать все, что шевелится, но и в не такой уж далекой молодости плавал с аквалангом, прыгал с парашютом, летал на дельтаплане и до одури гонял на автомобилях, мотоциклах, снегоходах... В общем, ловил адреналин, что, в свою очередь, требует не только придурковатой безбашенности, но и кое-каких мозгов. А еще – железного, несмотря на все излишества, здоровья. Неудивительно, что в себя он приходил буквально на глазах.

– Спроси, что полегче.

– У-у-у...

В содержательный разговор явно стремился вмешаться еще один участник. Правда, это у него получалось как-то не очень. Петр Петрович Востриков, в обыденной жизни скандальный журналист и заслуженный работник культуры городского масштаба (засрак, как его называли за глаза подчиненные, это Сергей знал точно), вылез из кустов на четвереньках. Судя по виду, ему изрядно досталось от... кустов. Шиповника здесь росло море, и Востриков сейчас выбирался из его самой глубокой впадины, на четвереньках, порвав и изгваздав модный дорогой пиджак. Да уж, тяжело в учении – легко в зоне поражения. Обратное, похоже, тоже верно. Никакой подготовки, чистота эксперимента, чтоб ее, и, как результат, жесткое начало путешествия. Вон, какие лица перекошенные.

– Вашу мать...

Все остальное, что родила изящная мысль рафинированного интеллигента, звучало на редкость нецензурно. Заслушаться можно. Похоже, голова у него тоже болела. Сергей поморщился, незаметно извлек из кармана коробочку с лекарствами. Маленькое преимущество посвященного в историю – есть возможность подготовиться. К примеру, те же лекарства в карман сунуть. Антибиотики там и прочий парацетамол. Капсула нурофена – и все, можно присесть, опершись на ствол березы, в ожидании возвращения к нормаль-

ному самочувствию. Минут десять боль придется терпеть, ну а потом должно подействовать.

Веки моментально потяжелели, и глаза начали слипаться, но из померещившейся нирваны его вывел несильный пинок в голень и возмущенный вопль:

– Ты чего разлегся?

Сергей лениво поднял глаза, окинул взглядом подболевшегося и напоминающего сейчас бойцового петуха Вострикова и негромко поинтересовался:

– Мешаю? Ну, так отойдите подальше.

– Ты что о себе думаешь, щенок?

Да уж, культура так и прет. И голова еще не прошла. К горлу подкатил комок мутной злости. Сергей встал, оказавшись вдруг на полголовы выше своего собрата по приключению, и негромко сказал:

– Не стоит говорить про меня гадости. А то ведь я могу решить, что вам к лицу черепно-мозговая травма. А всем скажу, что вас аист по дороге уронил...

Востриков явно находился в неадеквате, но для того, чтобы представить, насколько близка его физиономия к кулаку, соображаловки хватило. Неудивительно – когда-то Востриков начинал журналистом, репортером скандальной хроники, а там заработать травматическое удаление зубов было проще, чем высморкаться. Годы прошли – а рефлексy остались.

Однако рефлексy рефлексами, а приобретенный за годы

сытого и уважаемого существования апломб требовал выйти из внезапно образовавшегося конфликта победителем. То есть отступить нельзя, стоять на месте, а тем более наезжать – чревато... Сергею, головная боль у которого как раз прошла, то ли от лекарства, то ли просто от злости, даже стало интересно, как он поведет себя в такой ситуации. Однако понаблюдать за мучительными телодвижениями интеллигента не получилось – все очарование момента разрушил новый персонаж.

– Это что вы здесь делаете, а?

В отличие от их помятой троицы, Хинштейн выглядел так, словно только-только вышел с заседания совета директоров какой-то немаленькой фирмы. Он в недалеком прошлом в такой совет и входил – ровно до тех пор, когда отец влез в сомнительную аферу и, несмотря на многообещающую фамилию, не смог из нее вылезти. Так что отправился Хинштейн-старший очищать Север от снега, а его сын оказался вдруг не у дел. В смысле, вообще – мажоры, на самом-то деле никому особо не нужны, их терпят ровно до того момента, пока за спинами маячит фигура родителя-покровителя. Ну а если фигура исчезает, человека сбрасывают, как расходный материал, что, в принципе, и произошло.

Как ни странно, в отличие от многих орлов своего круга, Альберт Хинштейн оказался достаточно умен, чтобы сделать трезвые и логичные выводы. Не успел, видать, мозги в клубах растерять. Вот и попал в их теплую компанию, хотя

Колобанов решительно отказался пояснять, как сумел завербовать такого орла.

– Все нормально, – махнул рукой Игнатъев. Он, в отличие от Вострикова, успел окончательно прийти в себя. Наверное, прошлые увлечения сказались, для экстремала быстро сообщать – норма. – Ребята, кажется, немного в шоке.

«Ребята», один из которых был на пятнадцать лет моложе, а второй на десять старше Игнатъева, синхронно кивнули. Оба моментально сообразили, что принять эту версию наиболее простой способ не доводить разговор до драки и притом сохранить лицо. Хинштейн тоже кивнул – он вряд ли поверил услышанному, но развивать тему не стал. Умный еврейчик...

– Где это мы? И где остальные? – Хинштейн с интересом огляделся.

– А черт его знает, – Сергей демонстративно пожал плечами. – Ничего в голову не приходит. Какие-нибудь идеи есть?

– Самому непонятно. Но все же... Если мы вчетвером здесь, то, по логике, и остальные должны оказаться в пределах видимости.

Да уж, и впрямь возможность сообщать не утратил. А и в самом деле, сидели они всемером. Перед забросом Колобанов как раз вышел – значит, перенестись должны были, как он и обещал, шестеро. Соответственно еще двое оказались в зоне перехода. Разумеется, если все прошло штатно – бизнесмен предупреждал, что такое количество народу на прак-

тике еще никто не переправлял. Это обратно можно сколько хочешь людей выдергивать – и такое делали – а вот туда пока не пробовали. А вдруг не получилось? Первопроходцы, мать их через колено... Гадай теперь, чем все закончится.

Громкий хруст за спиной заставил их дружно развернуться – как раз вовремя, чтобы увидеть, как из неглубокого оврага медведем вылезает Ковальчук. По лесу сей мордатый детинушка ходить не умел совершенно, компенсируя этот недостаток упорством и хорошей физической формой. Вон, плечи аж распирают теплый, крупной вязки свитер. Лицо красное, потное – ну да, одежда не по сезону.

– Люди! Мы где?

– Самим интересно, – буркнул Сергей. Ему, кстати, и впрямь было интересно. Колобанов предупредил только, что они попадут в середину прошлого века. Создавалось впечатление, что и сам не знал толком. Хотя... Можно предположить, что это – период Второй мировой. Декан – он вообще был в теории куда подкованней своего приятеля-бизнесмена, хотя и отдавал ему лидерство в разговоре, – сказал между делом, что параллельные миры формируются в момент глобальных изломов. Чем ближе прокол к точке формирования, тем проще его осуществить, и этим обстоятельством ушлые исследователи пользовались без зазрения совести. Впрочем, по датам не факт – если верить историкам, весь двадцатый век творилось такое, что новые миры вполне могли отпочковываться хоть каждые полчаса. В любом случае, время тут,

скорее всего, не самое спокойное. Хотя... когда оно было спокойным вообще?

– Во-во. Интересно... А между прочим, здесь и сейчас лето, – буркнул Ковальчук и стянул через голову свитер. Рубашка под ним была мокрой и облегала тело. – Я чего-то не понимаю?

– Мы тоже.

– А где...

– Да здесь я, здесь.

Голос прозвучал чуть ворчливо, но как-то успокаивающе. И обладатель его выглядел под стать – невысокий, плотно сбитый, в камуфляжной одежде. Мартынов Александр Павлович, в недалеком прошлом начальник охраны крупнейшего (и, к слову, единственного) в их городе торгового центра. Почему ушел? А хрен его знает. Пенсионер, которому не сидится дома, и выглядит соответственно. Но вот глядя на его неторопливые движения, как-то неохота поворачиваться к нему спиной. Из всей их группы Мартынов был единственным человеком, которого Сергей опасался.

Из леса он вышел неторопливо и спокойно, даже чуть лениво, но при этом момент, когда Мартынов оказался вдруг совсем рядом, все пропустили. Плюхнувшись на толстый полусгнивший ствол какой-то незадачливой елки, давным-давно покинувшей сей бранный мир, он стянул с ноги кроссовку, вытряхнул из нее мусор, неспешно, обстоятельно надел и поинтересовался:

– Ну что, все собрались? Тогда, может, попытаемся понять хотя бы, что нам делать дальше?

Следующие полтора часа прошли в спорах о том, куда они попали, инвентаризации всего, что нашлось в карманах, и выработку дальнейших планов. Споры были длинные, громкие, но, как оказалось, бессмысленные. Для того, чтобы определиться, не хватало информации, из карманов удалось извлечь кучу ненужного хлама вроде ключей и презервативов, самым ценным из которого оказались складные ножи Мартынова, Ковальчука и самого Хромова. Ну а дальнейшие действия... Решено было идти и попытаться найти хоть какой-нибудь ручей. Во-первых, всем изрядно хотелось пить, а во-вторых, существовала вероятность, что ручей будет впадать в реку, а где река – там люди. Привычку селиться по берегам рек еще никто не отменял.

Сергей в основном молчал. Пускай говорят другие – он здесь по возрасту не то чтобы младший, с Хинштейном и Ковальчуком они ровесники, но лучше не высовываться. В конце концов, он здесь не для того, чтобы командовать, а ради выживания и возвращения. Ну и заработка, конечно – двадцать тысяч «зеленых» в год Колобанов ему обещал.

А вообще, такое впечатление, что эксперимент ставился не только над таинственными межпространственными барьерами, но и над людьми, собранными в их группе. Ну, с самим Хромовым все понятно. Нищий студент, готовый зубами выгрызть себе, любимому, светлое будущее. Работаю-

щий за деньги наемник, чего уж там. Игнатьев – тоже ничего сложного. Престарелый искатель приключений, не желающий смириться с неумолимо подкатывающимся возрастом. Плевать ему и на политику, и на убеждения. В чем-то это даже вызывало уважение – ничего из себя не корчит человек, живет, как считает нужным, и говорит, что есть. Может статься, кому-то подобное будет не по нраву, однако, по большому счету, это только их проблема. В общем, с Игнатьевым все ясно. Зато остальные...

Востриков – оппозиционер. Непонятно, почему. То ли по убеждениям, то ли пиарится на этом, а может, кто-то ему за такого рода мировоззрение платит. Ничего удивительного, ведь не зря журналисты с успехом оспаривают право считаться представителями древнейшей профессии. И характер у Вострикова под стать его убеждениям – человек крикливый, наглый, но притом осторожный. Такие умники неплохо умеют пламенными речами зажигать толпу на митингах, талантливыми (этого не отнять) статьями формировать общественное мнение. И шустро, а главное, вовремя сваливать, предоставляя другим право расплачиваться за допущенные ими ошибки, если что-то пошло не так.

Хинштейн... Ну, он умный. В долговременной экспедиции, скорее всего, от кого-то прячется. Как-то проскочила у него весьма многозначительная оговорка. Умный... вроде бы. Но притом откровенно считает всех неевреев третьим сортом, что-то вроде говорящих обезьян. Тщательно

это скрывает, но, по молодости, не всегда успешно. Впрочем, подобное отношение характерно для многих его соотечественников.

Ковальчук. Рубаха-парень, простой, как три копейки, умеющий понять и поддержать шутку. Глядя на него, как-то сразу понимаешь, что батя сего гарного парубка ухитрился убить сразу двух зайцев – и сына вырастить, и дуб. Если, конечно, не обратить внимания на то, как закаменело его лицо вчера, когда они познакомились. Он тогда, помнится, сказал «можно просто Володя», а Востриков, от великого ума, тут же рассказал анекдот про «Тобик, просто Тобик»². Всего на миг закаменело, справился с эмоциями парень мгновенно, и никто, кроме Сергея, на это внимания, скорее всего, не обратил. Для молодого человека такое умение владеть собой, как правило, нехарактерно. Так что Ковальчук – такая вещь в себе. И вообще, он в свое время перебрался в Россию из какого-то пригорода Киева, а на Украине, если верить слухам и телевизору, все на голову ушибленные.

Ну и Мартынов, конечно. Сергей все-таки в недалеком прошлом был неплохим спортсменом. Высот, конечно, не добился, но умел немало. И уж рассмотреть под нарочито-медленными движениями пенсионера пластику не понаслышке знакомого с рукопашной бойца сумел моментально. Равно как и то, что Мартынов ни с кем не спорил прямо, но

---

² Встречает кастрированный пес сучку. Та:– Привет! Я – Люська Большие Сиськи.– А я Тобик. Просто Тобик.

повернуть разговор в нужном ему направлении умел. Интересный персонаж...

Хорошо еще, Колобанов не впихнул в их тесную компанию женщин. С него бы случилось. Хотя, скорее всего, циничный бизнесмен просчитал риски и понял, что бабы в таком деле – это все же чересчур. У них тут и без того хватает шансов оказаться пауками в банке. Вострикову, например, Сергей недавно едва не врезал.

А идти по лесу, даже сухому, было не так-то просто. Хромов, в общем-то, совсем уж неумехой себя не считал, да и подготовиться имел возможность. Неброская одежда из тех, что так любят всякие грибники и лесники. Правда, сейчас у них мода на камуфляж, но энцефалитка³ ничуть не хуже, а внимания к себе у неискушенных в таких вопросах аборигенов привлечет меньше. Правда, жарко в ней, пришлось пока снять, благо комаров не наблюдалось. Обувь, опять же, универсальная – кроссовки, причем очень хорошие, качественные. Работодатель расщедрился. А вот остальные...

Игнатьев в своих джинсах и, опять же, кроссовках держался уверенно, только кофту стянул. Мартынов и вовсе чувствовал себя, похоже, как рыба в воде. Ковальчук, избавившись от свитера, тоже. Зато двум последним участникам их импровизированного марш-броска приходилось страдать за всю команду. У них-то моднющие ботинки, а Хинштейн

---

³ Разновидность верхней одежды для леса. Обеспечивает максимальную защиту от клещей, мошки, комаров и пр.

еще вдобавок и в костюме. Вострикову было чуть проще, образ «человека из народа» и либерала позволял ему таскаться в джинсах, которые выглядели здесь предпочтительнее дорогой ткани. Зато физическая форма немолодого уже журналиста оказалась хуже. В общем, так на так, и уже через какой-нибудь час от обоих валил пар, и ноги, судя по всему, на обувь порядком обиделись. Во всяком случае, хромали оба, Хинштейн на левую ногу, а Востриков на обе сразу. Товарищи по путешествию, мать их...

К счастью, марш-бросок закончился довольно быстро. И не ручьем, о котором уже отчаянно мечтали все, а вполне цивилизованного вида дорогой-грунтовой, каких на свете увидеть можно где угодно и сколько угодно. Причем не обязательно в России – по слухам, в той же Канаде этого добра в пять слоев и с горкой, да и гордая Америка, чуть сверни с хайвея, тоже предьявит тебе полное разнообразие «направлений». Конкретно эта была сухой, пыльной и могла похвастаться глубокими колеями. Однако, несмотря на безрадостный вид, настроения всем она подняла – как-никак где дорога – там люди и возможность хотя бы понять, где же они находятся.

Они не успели даже решить, в какую сторону по этой дороге направиться, как в какой-то паре десятков метров от них, из-за поворота, появились люди. Но что это были за люди!

Зрелище было сюрреалистичным настолько, что даже ожидающий нечто подобное Сергей на какое-то время впал

в ступор. Поднимая ногами клубы пыли, шла колонна военнопленных. Да-да, именно таких, как показывают в старой хронике. Разве что картинка была в цвете, но как раз это в глаза и не бросалось – все та же пыль, густо покрывающая одежду, волосы, лица, превращала их в однотонные серовато-рыжие силуэты. Было военнопленных не так и много, человек сорок, может, пятьдесят, но пыли они, привлекая ноги, поднимали, будто колонна танков.

Охраняла все это безобразие пятерка немцев, очевидно, чувствовавших себя в полной безопасности. Пешком шагали всего двое, по сторонам колонны, остальные ехали позади, на телеге. Несильный ветер исправно сносил пыль в сторону, так что фрицы чувствовали себя достаточно комфортно. И, увидев на дороге новых действующих лиц, отреагировали они первыми.

– Хальт!

Первым с дороги бросился Мартынов, Сергей отстал на каких-то полсекунды. И почти сразу загремели выстрелы. Наверное, будь у немцев автоматы, как любят изображать в фильмах, тут им и настала бы хана. Однако винтовки, тем более небрежно заброшенные за спину, оружие не самое скорострельное. Да и немцы к появлению на пути еще кого-то оказались не готовы. Сделав буквально пару прыжков в сторону, Сергей рванул было прочь, благо вряд ли немцы учинили бы серьезную погоню. Шансы имелись, он находился в неплохой форме, однако лес – не стадион, нога подверну-

лась, и, ломая ветки, Сергей с громким треском растянулся на земле. Попытался встать – но ногу пробило болью. От неожиданности Сергей взвыл, а еще через секунду обнаружил перед носом ствол винтовки. И довольно ухмыляющегося немца на другом ее конце.

Все-таки язык у фрицев отвратительно лающий. Что там ему говорят, учивший, как и большинство современных людей, английский, Сергей не понял, но смысл ясен был и без перевода. Встать, руки вверх, топай на дорогу... Он и встал. А потом грохнулся – нога не держала, и ощущения были непередаваемые. Возле лица вновь колыхнулся ствол винтовки. Вот и все. Сергей закрыл глаза, смотреть в лицо смерти дано не каждому.

Выстрела не последовало. Вместо этого Сергей ощутил на своей ноге быстрые, цепкие пальцы. Открыл глаза – и обнаружил, что немец, присев на корточки, осматривает его ногу. С интересом посмотрел на кроссовки, которые так подвели хозяина, однако отвлекаться не стал. Вместо этого он вдруг перехватил голень пленного обеими руками и как-то особым образом крутанул.

Это было мало похоже на то, как вправляют конечности в современных клиниках, однако сработало не хуже. Конечно, в первый момент пробило так, что в глазах потемнело. Зато когда немец, встав, опять недвусмысленно качнул стволом винтовки, Сергей поднялся без заметных усилий. Значит, вывих был, а немец его вправил. Оригинально...

Но еще больший шок ожидал Сергея, когда он вновь оказался на дороге. Ну, то, что товарищей по приключению немцы повязали, ничего удивительного не было. В конце концов, у них не оказалось ни необходимых рефлексов, ни готовности к подобного рода угрозам. Однако тот факт, что колонна военнопленных, оставшаяся под охраной всего двух человек, просто стояла, и никто не пытался не то чтобы напасть на конвоиров – хотя бы даже бежать – и впрямь удивлял. Их-то всю жизнь учили, что наши не сдавались, а кто попадал в плен, раненый и оглушенный, бежали при первой возможности. Даже из концлагерей бежали... Какие там лагеря? Полностью морально сломленные люди, словно пришибленные. И новых пленных, беззлобно, в общем-то, скалясь, немцы затолкали в хвост колонны, по команде вновь зашагавшей вперед. Даже не обыскали, сволочи.

Шли часа три, до какой-то деревни. Классическая такая деревенька, пара дюжин домов и единственная улица, кривая и разбитая. И флаг над единственным двухэтажным домом, перед которым что-то вроде площади. Флаг, что характерно, красный.

Похоже, начал выстраивать логическую картинку Сергей, первые дни войны и сопутствующий им бардак. Ну да, двадцать пятое июня. Немцы вскрыли советскую оборону и прут вперед, как алкаши за водкой, наглядно демонстрируя окружающим, что такое блицкриг. Потому и шок такой у всех, просто не поняли еще, как это случилось. Кое-кто из неволь-

ных соседей по колонне рассказал, что взяли их тепленькими, некоторых вытряхнув прямо из коек. Даже до оружия не успели добраться. А в этой деревне, может статься, даже не сообразили, что оказались во вражеском тылу, и теперь испуганно смотрят из окон.

Кстати, это объясняло, почему и фрицы такие блаженно-расслабленные. Для них, во всяком случае, тех, кто идет во втором эшелоне, происходящее не более чем круиз вроде европейского. Нет пока ожесточения. Да и пленные особых хлопот не доставляют. Вот и сейчас они попросту согнали подконвойных на площадь, благо места хватало. После этого ограничились, скорее, формальной охраной, как понял Сергей, банально кинув жребий. Двое с недовольными лицами остались при пленных, расположившись в тенике возле здания, а остальные, сорвав по дороге флаг, отправились по дворам. Курки-млеко-яйки, все как положено. И, что характерно, это даже не вызвало в душе Сергея каких-либо эмоций. То ли усталость, то ли уже последствия более циничного, чем раньше, мировосприятия двадцать первого века. Победитель берет трофеи – и это норма. А немцы, как ни крути, пока что побеждают.

И что характерно, местные на улицах через некоторое время появились. Деревня, жизнь продолжается, необходимость коров гнать или дрова колоть никто не отменял. Немцы же пока террором не занимаются, вот и успокоились.

На устало сидящих пленных местные пейзажи не смотрели

ни зло, ни сочувственно. Просто не обращали на них внимания. Даже воды не принесли. Впрочем, фрицы, видать, были заинтересованы в том, чтобы доставить вверенный им контингент в целости, поскольку организовали снабжение. Ну, как организовали – разрешили пользоваться стоящим в соседнем дворе сортиром (хозяева наверняка были ну очень рады), ткнули пальцем в пару солдат поздоровее и погнали их к колодцу за водой, да пригнали несколько баб, которые зло поглядывали и на немцев, и на пленных. Тем не менее, споры были решены посредством несильного удара прикладом по спине, и впечатленные таким ораторским искусством женщины достаточно шустро приготовили на всех нечто не особо изысканное, но и вполне съедобное.

– Бежать надо, – Игнатьев подошел к Сергею, как только начало смеркаться. – Пока все расслабленные и ленивые...

– Согласен, – отозвался тот, рассматривая поврежденную ногу. Голеностоп немного опух, но, как говорится, могло быть и хуже. – Ночью валим, и делу конец. Остальные как?

– Я с ними пока не разговаривал. Сейчас...

Увы, «сейчас» не получилось. Немцы оказались не глупее паровоза и как раз в этот момент предприняли меры для недопущения инцидентов, загнав пленных в стоящий на краю деревни сарай, намертво приперев дверь. Здесь было темно, хоть глаз выколи, и попытка добраться до ушагавших в дальний угол товарищей закончилась печально. Игнатьев на кого-то наступил и тут же жестоко получил по морде –

народ, только-только отошедший от первого шока, был злой и шуток не понимал совершенно.

Пока Игнатьев получал по шее сам и впечатлял того, кто решил помахать кулаками, Сергей присел в углу, на кучу пожухлого, но еще сохранившего остатки аромата прошлогоднего сена. Выбираться надо, тут спору нет, однако как? Увы, дальше этой умной мысли процесс размышления идти упорно отказывался – накатывалась усталость, глаза слипались. А потом стало и вовсе не до того, поскольку ситуация, как это частенько бывает, изменилась рывком и капитально.

За воротами раздался лягз, и через каких-то несколько секунд они медленно, с мучительным скрипом распахнулись. Ударил свет... Немного позже Сергей осознал, что не такой уж и яркий, к тому же и снаружи еще не вконец стемнело, однако фары трех рычащих, словно пьяные тигры, грузовиков полоснули по глазам успевших привыкнуть к мраку сараев людей, словно ножом.

Проморгаться удалось не сразу, да и остальные пребывали не в лучшем состоянии – сбились в кучу, терли глаза, злобно матерились. Однако тем, кто устроил им почти что лазерное шоу, было параллельно, какие чувства испытывают люди. Они спокойно наблюдали, и было их чуть больше, чем до хрена. Видать, какая-то часть, да не из простых – вон, недавние конвоиры стоят, вытянувшись во фрунт, как и положено салагам, угодившим под очи крутых орлов из спецназа. А те, что характерно, плевать хотели на чувства и ощущения кон-

вои́ров. Вон, один громко распекает их, что весьма напоминает рык волкодава на не успевшую убратъся с дороги шавку. Наверняка по какому-то надуманному поводу – по чему-то серьезному говорить будут иначе, однако и без того видно, что конвойным отнюдь не радостно.

А впереди этого великолепия прохаживается офицер. Классический такой, их в старых фильмах о войне именно такими и показывали. Небось, срисовывали с натуры. Высокий, худой, как жердь, руки держит за спиной. Такому Люцифера в кино играть али Дракулу – антураж соответствующий, энергетика тоже. Впрочем, ничего жуткого он пока не сотворил. Постоял, молча, затем, повернувшись, что-то сказал обругивающему конвоиров солдату – или, возможно какому-нибудь сержанту. Видно было плохо, но погоны вроде бы чуть-чуть отличались. Тот, моментально прервав процесс распекания младших по званию, что-то проорал, и те задвинулись, будто получив свежие батарейки. Дюрасел в заднице... Сергей еле удержался от нервного смешка. Пять секунд – и ворота снова закрылись. Лязгнул, входя в пазы, древний засов, еще раз взревели снаружи моторы, и все стихло.

– Приплыли, – как Игнатъев оказался рядом, Сергей не заметил. – Теперь не сбежать.

– Думаешь?

– Это – не лохи. К тому же там у них пара собачек была.

– Не видел.

– Я видел. Этого достаточно. Красивые такие овчарки,

лощенные. Нам с тобой на двоих и одной хватит. Придется ждать.

– Чего?

– Случая. Эти, которые приехали, вряд ли тут с нами будут долго. Не та статья, таких орлов в охране не держат. Может, завтра своей дорогой двинут, а там мы и сбежим куда-нибудь. Может, даже с марша.

Возможно, Игнатьев был прав. А может, и нет. Вот только усталость навалилась, будто чугунная гиря, нога всерьез ныла, а перед глазами все еще маячил ствол винтовки. И его неполные восемь миллиметров заслоняли, казалось, весь свет. В общем, Сергей кивнул, хотя собеседник этого не мог видеть, натянул энцефалитку, чтобы не задубеть ночью, и почти сразу провалился в темный, будто омут, сон.

Утром выяснилось, что Игнатьев все же не прав. Во-первых, немцы, прибывшие вечером, никуда не делись, а во-вторых, пленных никуда не погнали. Правда, дали оправиться, умыться (колодец вычерпали буквально до дна) и накормили. Примерно так же как вчера, невкусно и не до отвала, однако достаточно сытно, чтобы животы не бурчали.

Ближе к обеду их выгнали наружу, и в глаза бросились две вещи. Куча техники – танки и броневики советского производства. Тут ошибиться не получалось никак – благодаря интернету, их характерные силуэты растиражировали широко, и любой мужчина, да и многие женщины, хоть немного да

разбирался в вопросе. Три БТ, правда, какой модификации хрен знает, их наклепали много и разных. Т-26 аж четыре штуки, причем один невероятно древний, с двумя башнями. Экзотика! Т-28 со своими тремя башнями. Что-то мелкое и легкое, более всего напоминающее корыто с гусеницами. Ну и вишенкой на торте целых три броневика, два пушечных и пулеметный.

Немецкие танки, кстати, тоже имелись. Три штуки, с уставными тевтонскими крестами на броне. Один – Рз-IV, его легко было узнать по характерному «окурку» вместо нормального орудия. Остальные же – черт его знает, познаний Сергея для классификации решительно не хватало. Может, и не немецкие даже, а чешские или еще какие. Немцы, по слухам, тащили сюда бронехлам со всей Европы. Но одно было у них общим – чистота.

Образцы германского ВПК казались даже не вымытыми – скорее, вылизанными и свежеокрашенными. А вот советские – наоборот, грязные и запыленные. И техническое состояние у них было так себе, что для трофеев и неудивительно. У Т-28 не было одной пулеметной башни, вместо нее торчали лохмотья смятого и перекрученного железа. Ближайший Т-26 щеголял сквозной пробойной в башне. Два броневика вместо колес стояли на ободах и имели явные следы огня. Что с остальными – не совсем понятно, точнее, попросту не видно. Зато кинокамеру на треноге Сергей узнал сразу. Ну, вот и разгадка, сейчас фрицы тут пропагандист-

ское кино снимать будут, с бравыми немецкими «зольдаты» и своей лучшей в мире техникой, а также грудой советского металлолома и толпой пленных для массовки. То-то конвоиры гребли по дороге всех подряд – как выяснилось вечером, разведчики иных миров оказались в колонне не единственными, кто не имел отношения к доблестной Красной Армии. Правда, все же подавляющее большинство и впрямь носили гимнастерки.

Однако началось все не с марша усталых пленных и не с грохота танковых гусениц. Вначале к их толпе подошли двое с замашками опытных капралов и в два счета выстроили всех в две шеренги, с интервалом между ними шагов в пять. Воистину добрым словом и прикладом можно добиться впечатляющих результатов. Ну а потом подошел офицер.

Вблизи он не казался уже тем inferнальным чудищем, которое маячило вчера в свете фар. Обычный человек, худощавый, подтянутый. Лет сорок на вид. Взгляд спокойный и, что характерно, не злой. Скорее, безразличный. Те, кто сейчас перед ним стоял, проходили в немецком табеле о рангах где-то между крысами и тараканами. Возможно, он бы иначе смотрел на тех, кто сидит в окопах, держа в руках винтовки, но пленные, бросившие оружие и сдавшиеся до того, как все средства, включая собственную жизнь, исчерпаны, уважения не были достойны ни на гран.

Он шел вдоль шеренги, небрежно похлопывая по голенищу стеком. Позади него держался крупный, но отчаянно

сутулящийся мужчина в гражданском. Этот, похоже, совершенно не хотел казаться хоть в чем-то превосходящим офицера, ни в росте, ни в ширине плеч. И одет — не по-немецки. Опять же, если верить фильмам, так одевались горожане в предвоенные и первые послевоенные годы. Не в точности, конечно, однако похоже. Пиджак, сапоги... А вот приבלатненной кепки не наблюдалось, голова оставалась непокрытой.

Наконец офицер остановился, еще раз щелкнул стеком и негромко, явно не стараясь напрягать лишний раз связки, заговорил. Мегафоном работал его сопровождающий, оказавшийся переводчиком. Ну, этот старался за десятерых. Особой нужды в том, правда, не было — тишина стояла едва не гробовая. Немцы молчали из чувства дисциплины, а пленные... этим шуметь было как-то не с руки.

— Господин офицер приветствует храбрых русских солдат. Он обещает, что пленные будут иметь еду, крышу над головой и медицинское обслуживание. Кто желает, может перейти на службу великому рейху...

В общем, много говорил, и всякого. И ведь слушали! Это Сергей знал, что их ждет в лагерях, а эти глаза выпучили, уши развесили и клювами щелкают. Рыбки-зайчики-птички, чтоб их. Ну и финальная фраза о выдаче жидов и комиссаров, куда же без нее. Правда, к чести этих людей, никто не бросился выпихивать из строя товарищей. Хотя ведь было кого, наверняка.

Нет, вряд ли здесь были комиссары. Даже офицеры (здесь и сейчас их называли командирами, но – какая разница?) вряд ли были. Сергей уже успел расспросить кое-кого и знал, что рассортировали пленных сразу же и всех, от лейтенанта и выше погнали в другой колонне. Здесь же рядовые да сержанты. Ну, и несколько гражданских. Так что комиссаров нет, а вот евреи...

Немец шел вдоль шеренг неторопливо, уверенно. И тыкал своей палкой. К тем, на кого он указал, тут же подсакивали солдаты и выдергивали из строя. Что же, стоит признать, дело свое фриц знал отменно, у всех, на кого он указал, а было их четверо, признаки семитской крови были, что называется, на всю рожу. Правда, Хинштейна пропустил, но у того во внешности еврейскими можно было назвать разве что темные вьющиеся волосы. Изрядное облагораживание русской, шведской и еще хрен знает какой кровью явно пошло ему на пользу. И спасло жизнь, во всяком случае, на какое-то время.

Немец посмотрел на испуганно сжавшихся евреев, чуть дернул уголком рта и махнул рукой. Тут же подошел солдат, таща на плече целую связку лопат. Бросил под ноги пленным. Офицер снова заговорил, и переводчик заорал:

– Господин офицер спрашивает, кто согласен выкопать для них могилу?

Строй молчал. Немец вновь дернул губами, повернулся к евреям и заговорил:

– Те из вас, кто выкопает могилу для всех этих русских,

будет отпущен.

Скорость, с которой евреи подхватили лопаты и начали рыть в указанном им месте, впечатляла. Правда, заглубиться им позволили несильно. Немцы отобрали лопаты, пинками отогнали евреев чуть в сторону. Офицер вновь повернулся к строю:

– Ну что, видели, кто они такие? Кто согласен копать им могилу?

Шагнул вперед один, второй, третий... С десяток человек, не меньше. А еще через несколько минут работа кипела, яма углублялась буквально на глазах. Ну а когда закончили, то в нее евреев и положили. Выдали копавшим винтовки, русские, трофейные – этого добра тут похоже, было в избытке. Дружный залп – и вот могилу уже закапывают⁴.

А киношники-то работают... Краем глаза Сергей видел, как возле камеры бодро крутится оператор, с невероятно деловым видом снимая все, что происходит, и с невероятной сноровкой меняя коробки с пленками. Работают, стараются, отрабатывают свое жалованье. Пропаганда у фрицев, как ни крути, на уровне и переднем крае местного научно-технического прогресса. Сняли и расстрел, и несколько дублей прохода военнопленных с разных ракурсов. После этого тех, кто участвовал в расстреле, увели, остальных же пригнали к тан-

---

⁴ О таком случае в свое время автору рассказывал побывавший в плену ветеран. Достоверность пусть остается на его совести, но во вранье человек ни до, ни после того случая замечен не был.

кам.

Вот здесь началось самое интересное. Немцы бодро прогнали перед камерой свои танки, затем принялись снимать трофейную технику. После съемок, разрешив наконец пленным сесть, растащили ее в сторону и вновь принялись снимать, но уже совсем другое кино. Для начала один из БТ поставили на пригорке, расставили камеры, на этот раз несколько штук. После этого Pz-IV, разогнавшись, ударил БТ в борт и сбросил его вниз. Получилось достаточно эффектно – многотонная машина перевернулась в жутким грохотом и улетела с крутого склона. Башня, вылетев, закувыркалась отдельно и где-то на середине пути застряла, воткнувшись пушкой в землю.

Потом сожгли броневики – те, что уже и так были поджарены. Крупным планом покажут небось... Затем снимали немецких солдат, рассматривающих танки, засовывающих руки в пробоины и забирающихся на броню. Словом, полноценная боевая кинохроника, рассчитанная на нестойкие обывательские мозги.

– Кто из вас умеет водить броневик?

Офицер выглядел донельзя довольным происходящим. Видимо, переводчик это чувствовал и разве что хвостом не вилял, дабы угодить хозяину. Смотреть на это было противно... Однако мнение Сергея никого сейчас не волновало. Чуть оттерев его плечом, встал и шагнул вперед невысокий коренастый мужик в комбинезоне.

– Я умею... господин офицер.

– Гут, гут...

Задача выглядела простой. Сесть в оставшийся броневик, проехать несколько десятков метров, а в это время танк в него выстрелит. Водителю предполагалось надеяться на то, что снаряд его не убьет. Угу, как же. Однако немецкий сержант, в отличие от простых солдат вооруженный не винтовкой, а неплохо знакомым по советскому кино автоматом, молча ткнул стволом в пузо водителю. Ну, вот и все, цинично подумал Сергей. Думать надо было, а не лезть вперед остальных. А теперь или крути баранку, или получишь пулю не сходя с места.

Броневи́к завелся с ужасающим треском. Интересно, у него глушитель оторвало, или его изначально не было? Тем не менее, с места машина взяла резво, и почти сразу танк, не «четверка», правда, а другой, с орудием заметно меньшего калибра, шевельнул башней, ловя бронемашину в прицел. Бах!

Как оказалось, танковое орудие, по сравнению с теми монстрами, что родились после войны, совсем вшивенькое, бабахать может на редкость громко. По ушам словно молотком врезали. А вот результат оказался каким-то невпечатляющим. Бабахнуло несильно и вдобавок далеко в стороне. Броневи́к вильнул и дальше пошел грамотно, то ускоряясь, то замедляясь и виляя, как пьяный. Танк рыкнул еще раз, с тем же результатом, после чего офицер безо всякого страха

зашагал наперерез броневiku.

Сергей вполне серьезно ожидал, что сейчас обшитое броней чудо отечественного автопрома сметет фрица, как бумажного. Все же, сколько бы грязи не вылили на красноармейцев в девяностые, они все равно оставались символом мужества и храбрости. И таран наглого фашиста в это мироощущение вписывался идеально. Переводчик, видимо, думал так же, поскольку стоял рядом с патроном совсем недолго, сиганув в кусты не хуже чемпиона по бегу. А немец стоял. И броневик, скрежетнув допотопными тормозами, замер, не доехав до него метра полтора, не более.

Пока офицер через подоспевшего, выглядящего помятым, но ни разу не сконфуженным переводчика объяснял вылезшему из броневика водителю, что надо делать, Сергей переосмысливал свои знания. Похоже, не так много они весили – реальность оказалась грубее и куда безысходнее, чем выглядела изначально. И вообще, много ли правды было в тех обрывках знаний, что задержались в уголках памяти, оставалось только гадать. Впрочем, развить мысль и окончательно погрузиться в омут комплекса неполноценности Сергей не успел – начался второй акт марлезонского балета.

На этот раз броневик не пытался демонстрировать чудеса на виражах, а тупо пер на небольшой скорости. И все равно с первого выстрела танк не попал. Видимо, с прицелами у них было далеко не все так здорово, как любили расписывать диванные знатоки тевтонского гения. Зато следующий...

Как водитель сумел почувствовать, что сейчас в него попадут, и, распахнув дверь, выпрыгнуть из броневика, так и осталось для Сергея тайной. А в следующий момент борт машины брызнул искрами, как от электросварки. Двигатель ее заглох почти сразу, прокатившись по инерции еще несколько метров, броневик уткнулся в кочку и замер, чуть накренившись. А потом загорелся, не так, как в кино, а куда медленнее, но все равно ярко. Судя по тому, как побежали в сторону язычки жидкого огня, снаряд пропорол бензобак.

– Гут, гут, – офицер шел к медленно поднимающемуся отряхивающему комбинезон водителю и неторопливо, демонстративно хлопал в ладоши. – Гут.

Что он говорил дальше, Сергей не слышал, их отогнали немного в сторону, чтобы в очередной раз немного передвинуть декорации. Однако, судя по тому, что водитель к их компании вернулся с буханкой хлеба под мышкой, им остались довольны. Ну а потом шоу продолжилось.

Человек пять загнали в Т-28. Лезть в изрядно покаленный стальной гроб народ совершенно не жаждал, однако приклады винтовок и тяжелые сапоги, которыми немцы очень ловко поддавали отобраннным персонажам под ребра, живо продемонстрировали всем, кто тут самый главный папа. В считанные минуты эрзац-танкистов упаковали в бронированный гроб, после чего шустро облили бензином и подожгли.

Горел танк красиво и впечатляюще, куда там броневикам.

Люди из него выскочили как ошпаренные. Точнее, как поджаренные – тот, который вылез последним, покатился по траве, сбивая пламя с одежды, но безуспешно. Видать, на нее тоже попало бензина. Вопли его слышны были издали. Потом коротко хлопнула винтовка, и крики разом оборвались, только осталось возле танка вяло чадающее тело, больше всего похожее на грудку тряпья. Остальные разом остановились, задрав руки вверх... А потом грохнуло!

Очевидно, немцы не слишком хорошо проверили трофейную технику. А то и вообще не проверяли. И, очень похоже, в танке осталась часть боезапаса. Рвануло не то чтобы очень знатно, однако громко. Башня Т-28 подскочила на полметра вверх и брякнулась обратно, заметно перекосившись. Огонь выплеснулся в стороны и вниз, будто при запуске ракеты с Байконура. Как в старых хрониках, только не так масштабно. На совесть изготовленный корпус от внутреннего взрыва не развалился, выдержал, но вырванные из бортов заклепки полетели в разные стороны будто пули. Двое из стоявших с поднятыми руками получили свое тут же – одному импровизированной картечью снесло полголовы, второй тут же вскочил и затанцевал жутковатый танец, неестественно выгибаясь. На грязной гимнастерке, на спине, растекалось пятно крови. Вновь хлопнула винтовка, раненый упал, дернулся пару раз и замер. Судя по громким выкрикам и жестикологии, оператор был доволен...

На этом съемки закончились – набежали тучки, мелкие,

но противные, начал брызгать дождик, и оператор махнул рукой – шабаш, значит. После этого людей вновь загнали в сарай. Правда, едой в этот раз не слишком озаботились, бросив вслед им несколько ковриг свежего, еще теплого хлеба. И – все.

– Надо валить, – на этот раз Игнатьев подошел к Сергею почти сразу, благо в сарае было малость светлее, чем вчера. Тучи расползлись, а солнце стояло еще достаточно высоко, и его лучи пробивались через щели в крыше. – Надо дергать, а то им завтра и массовый расстрел заснять может захотеться.

– Согласен. Только как?

– Пока не знаю. Придумаем что-нибудь.

– Придумаем... Собачек в виду имей. Любого из этих уродов я скручу, да и ты, наверное, тоже, а вот собак обманывать меня не учили. Да и ты это вряд ли умеешь.

– Эт-точно Кстати, а справишься ли?

– Справлюсь. Я всегда хотел чемпионом стать по боям без правил, тренировался хорошо.

– И чего ж не стал?

– Обстоятельства, – неохотно ответил Сергей. – Дрался в... одном месте. Ну и свернул кое-кому шею. Он меня так презирал, что даже не размялся перед боем. Ну и пострадал. Он на полгода в кому, мне – год условно, как-то так.

– Бывает, – глаза достаточно привыкли к здешнему паршивому освещению, чтобы рассмотреть кивок Игнатьева.

– Меня больше удивляет, что Востриков с Ковальчуком

на шею фрицам не кинулись. Востриков же у нас либерал, а их ориентация...

– Угу. Ориентация. Во всех смыслах. Только ему по хребту вчера прикладом съездили, и он пребывает в депрессии.

– За что они его так?

– Да он к ним целоваться полез. Ну а они его, наверное, за гомика приняли. Хорошо еще, не расстреляли – мне дед рассказывал, у них с такими не церемонились.

– Может, он и впрямь? – Сергей выразительно шевельнул пальцами, сообразил, что собеседнику не видно, но Игнатьев понял – он вообще был догадливым.

– Не знаю, мне как-то все равно.

– А Ковальчук?

– А что Ковальчук? Не гомик уж точно.

– Я не о том.

– И не фашист. Или ты думаешь, что на Украине все «цэевропейцы»? Забудь, там народ всякий есть. Дураков, правда, больше, чем нужно. Оно и понятно, кстати, умные давно к нам уехали.

– Да? Ну, посмотрим. В любом случае, придется ждать темноты.

Темнота в сарае вновь наступила куда раньше, чем на улице, но, к счастью, часы у них вчера не отобрали, а потом Сергей засунул их во внутренний карман. Остальные, кстати, поступили так же. Сейчас мягко светящиеся в темноте стрел-

ки пришлись очень кстати. Без них во времени можно было запросто «потеряться».

А вообще, немцы вели себя на диво безалаберно. Не обыскали даже. Наверное, бдительность конвоиров усыпило испуганное безразличие тех, кого они гнали. К тому же второй эшелон – это почти всегда не самые лучшие солдаты. Лучших на такие задания и не пошлют. Ребятишки, конечно, на вид крепкие и спортивные, ну да это заслуга не армии, а высокого уровня общего спортивного воспитания – перед войной немцы капитально вкладывались в молодежь. Это все были, конечно, рассуждения, но как рабочую гипотезу их можно было принять. Впрочем, и размышлять об этом имело смысл, лишь убивая время, которое текло медленно, будто густая еловая смола.

Итак, конвоиры прохлопали ушами. Причем не только содержимое карманов, но и не самую обычную для этих мест одежду и даже совершенно неизвестные в этом времени кроссовки. А ведь его обувь фриц, что ногу вправлял, в упор видел. Однако же и впрямь не самые лучшие солдаты. Затем марш по пыли – и все, под ее слоем особенности цвета и края нивелируются и внимания уже не привлекают.

Те умники, которые подъехали вечером, конечно, из другого теста. Не волки – но и не шавки, серьезные профессионалы, приданные группе пропагандистов, это понятно. Однако тут сработал немецкий орднунг. Пленных к ним пригнали – стало быть, они уже проверены, и нечего тратить си-

лы, контролируя работу другого ведомства. За это, что называется, не платят. Ну что же, в кои-то веки немецкий порядок спровоцировал бардак, хоть что-то радует.

Он все же задремал, и из странного, неприятного «зависания» между сном и явью его вывел несильный, но чувствительный тычок локтем под ребра.

– Эй, ты что там, заснул?

Голос Игнатьева был слегка раздраженным. Сергей взглянул на часы – ну да, уже скоро полночь, пора начинать работать, если они хотят все же отсюда убраться. Осторожно сместившись в сторону, он достал нож – все равно ничего лучшего под рукой не наблюдалось. Зато там, где он только что сидел, была мягкая земля – специально вчера смотрели-выбирали.

Копали вдвоем с Игнатьевым, потом их сменили Ковальчук с Хинштейном. Последний, насмотревшись на то, что ждет его, если немцы вдруг узнают его национальную принадлежность, и впечатленный до глубины души, работал с бешеным энтузиазмом. И неудивительно, что именно он, потеряв осторожность, разбудил какого-то дрыхнувшего по соседству хмыря.

– Вы что тут делаете, а?

Наверное, в прошлой жизни этот человек был страусом. У той птички глаза больше мозга, и у него, похоже, имелась та же проблема. Игнатьев прошипел:

– Заткнись, мы отсюда валим.

– Вы что, с ума сошли? Сбежите, а с нас потом за это спросят.

– Так беги с нами, болван.

– А ну, перестаньте рыть. А не то я охрану позову.

– Знаете, вы так говорите, будто у вас через пятнадцать секунд нос будет сломан, – включился в разговор Сергей.

– Чего-о?

– Успокойся, местная интеллигенция к культурному обращению непривычная. С ними надо вот так, – сказал Игнатьев и зарядил возмущенному аборигену в лоб. Тот возмущенно хрюкнул, свел глаза к переносице и осел. – Проще надо быть, проще, и люди к тебе потянутся.

Однако дело свое оглушенный сделал. По соседству заворочалось сразу несколько человек, еще ничего не соображающие, но шум поднять вполне способные. Пришлось работы срочно прекратить, хотя яма уже достигла в глубину полуметра, и, учитывая отсутствие фундамента, до свободы было не так уж далеко. Но, увы, требовалось подождать, когда люди вновь заснут – судя по общему настрою пленных, они вполне могли попытаться воспрепятствовать побегу.

А потом негромко лязгнул засов, и ворота приоткрылись. В неверном свете луны появившийся на фоне тускло освещенного проема силуэт опознать было сложно. А вот голос...

– Орлы, вы здесь долго прохлаждаться собираетесь?

– Палыч! – выдохнул Игнатьев, как-то разом обмякнув,

что для этого немаленького человека выглядело неожиданно. Мартынов весело хмыкнул:

– Я, я. Пошли уже.

– А... собаки?

– Какие собаки? Бегали тут две, а больше не было, местных бобиков фрицы еще вчера постреляли.

Вот так пенсионер, подумал Сергей, выбираясь наружу. Мартынов выглядел, как всегда, словно и не было бегства, почти двух суток странствий непонятно где и непонятно куда девшихся собак. Как он с ними справился? И не только с ними. На плече боевого пенсионера висела немецкая винтовка, еще три были прислонены к стене – похоже, об охране теперь можно не беспокоиться.

– Оружие разобрали – и бегом, бегом...

– Александр Павлович, – как ни странно, голос Вострикова звучал практически спокойно. Похоже, все происшедшее неплохо способствовало его душевному равновесию и образу мышления. А также инстинкту самосохранения и вежливости. – Я предлагаю...

– Сдаться? – зло хмыкнул Сергей.

– Молодой человек, не лезьте с глупыми шутками, когда старшие разговаривают. Александр Павлович, помните писателя Курочкина? «На войне как на войне» написал. Фильм по этой книге еще сняли...

– Ну, помню. Быстро говорите, что хотели, у нас времени не вагон.

– У него еще одна книга была, там описывалась ситуация – почти копия нашей. Там пленные сбежали на танке, а здесь техники – как грязи. В немецких тылах бардак жуткий, сплошной линии фронта нет, вполне можем уйти. А пешком нас живо догонят.

Вот так, слово сказано. Русские – наши, немцы – враги. Перевоспитывается либерал. И кто сказал, что прикладом по хребту – это непедагогично?

– Этот металлолом? – в голосе Мартынова звучало неприкрытое сомнение.

– Кое-что немцы заводили, и оно ездило.

– Да видел я. Но управлять этими танками я не умею.

– Может, кто из них умеет? – Востриков махнул рукой за спину. Все непроизвольно обернулись – и увидели тех самых пленных, которые сейчас неуверенно выбирались наружу. Мартынов зло выругался, потом шагнул вперед:

– Ладно, думать некогда. Эй, вы! Кто умеет управлять танком?

После короткого замешательства вперед протолкнулся тот мужик в комбинезоне, что недавно рулил броневином. Потом какой-то парень лет восемнадцати, худой и ушастый настолько, что с него можно было писать портрет Чебурашки. Потом еще двое. Мартынов кивнул:

– Разобраться с техникой. Проверить, что живое, а что – не очень. Но не вздумайте без меня ее заводить – немцы рядом. И, если вдруг найдете снаряды, не пытайтесь их испы-

тать. Альберт, Петрович. Берете винтовки и сторожите это стадо, чтоб у них в очке шило не завибрировало. Игорь, бери винтовку. Сергей, Володя, вам пока оружия нет. Сами добудете. Ты, – палец уперся в водителя. – Пойдешь с нами. Все, все, пошли. Время дорого.

Игнатьев подхватил винтовку, забросил ее на плечо. Сергей, переглянувшись с Ковальчуком, пожал плечами. А куда деваться? Если оружия нет, то и вооружаться им нечем. Хорошо еще, нож сегодня не до конца затупил.

– Александр Павлович, – Востриков, похоже, не мог отделаться от интеллигентской манеры обращения, что, впрочем, было не так уж и плохо.

– Ну, чего еще? – обернулся Мартынов.

– А как с винтовкой обращаться?

– Молча. Ох, горе мое. Смотрите. Это – винтовка системы Маузера. Если конкретно, Маузер девяносто восемь курц. В смысле, укороченный. Пользоваться им довольно просто... – Мартынов ловко разрядил оружие, потом вновь его зарядил. – Целимся и стреляем. В общем-то, все. Главное, затвор от грязи беречь, это вам не Калаш, а точная немецкая механика. Повторите.

Через пять минут и несколько попыток разной степени успешности он с сомнением покачал головой и вздохнул:

– Ладно, справитесь... я надеюсь. Имейте в виду, патрон очень мощный, отдача соответствующая. Лягается, как лошадь, так что не пугайтесь. Все, пошли, время дорого.

До площади они добрались минут за пять. Хотя на дворе и стояла ночь, однако мрак нельзя было назвать непроглядным. Так, очень густые сумерки, кассовый фильм про вампиров в таком антураже не снимешь. Шли не особо и таясь – собак в деревне все равно не осталось. Немцы тоже не попадались – они были еще непуганые, так что ничего похожего на патрули организовать даже не пробовали. Заняли то двухэтажное здание – за этим процессом Мартынов специально наблюдал, пока не стемнело, выставили единственного часового, и все. Часовой, правда, не пытался куда-нибудь присесть, а бродил туда-сюда перед импровизированной казармой, но с ленцой, неторопливо. Бдительностью здесь и не пахло.

На площади стояла техника – три танка, три грузовика. В одном танке безмятежно дрых механик-водитель, сам внутри, ноги торчат из люка. Богатырский храп разносился над площадью, и даже звенящие в воздухе комары не могли нарушить эту идиллию... Мартынов ткнул пальцем в часового, потом в танкиста:

– Этих снимаем, забираем оружие, потом зачищаем здание. Их там, на самом деле, не так и много. Еще полторы дюжины солдат, офицер и оператор. Справимся, если не будем мешкать.

– Понятно, – Сергей потер отчаянно зудящее ухо. Кого-кого, а лично его комары успели достать. – А где эти... которые в расстрельной команде были?

– Их отдельно разместили. В сарае наподобие вашего. Заперли – не очень, видать, доверяют. Только что часовых не поставили. И правильно, куда им сейчас бежать? За такое свои расстреляют.

– Ага. А... оружие? У них была целая куча нашего, трофейного.

– Да какая там куча – всего ничего. Вон, в кузове одного из грузовиков лежит. Только какого именно, хоть убей не знаю. Они его туда побросали, а в какой последовательности здесь, на площади, машины поставили, хрен поймешь. Я этого не видел.

– Жаль. Ладно, тогда мой – танкист.

– Почему?

– Там неудобно драться, Игнатьев не повернется, у него комплекция не та, а Володя, насколько я успел понять, рукопашным боем не занимался.

– Штангой я занимался, – буркнул Ковальчук.

– Во-во, Геракл из тренажерки. Бицепсы накачал, а рефлексов нужных нет.

– Да я тебя вместе с твоими рефлексами...

– Цыц! – шепотом рявкнул на них Мартынов, на корню прерывая начавшуюся было перепалку. – Заткнулись, придурки, живо! Сергей, точно справишься?

Хромов посмотрел на сапоги фрица, прикинул, что тот если и крупнее его, но совсем ненамного, и кивнул:

– Сделаю.

– Ну смотри тогда. Я снимаю часового, ты сразу глушишь своего клиента. Вперед!

Подбираться к танку оказалось неожиданно страшно. И пускай часовой никак не мог увидеть Сергея, а танкист продолжал разводить свои рулады, что с того? Умом свежее испеченный диверсант понимал, что это нервы. Просто вдруг пришлось самому принимать решения. Никто не стоит сзади, не руководит, повернешь ты направо или налево, зависит только от тебя. Вроде ничего особенного, однако когда рядом находился Мартынов, было как-то спокойнее.

А еще, Сергею никого не приходилось раньше убивать. Да, тренировался, потом дрался до кровавых соплей и зубов на полу. Но вот убивать... Он спортсмен, а не спецназовец, и до недавнего времени не помышлял даже о том, чтобы оказаться в центре самой жуткой войны в истории. И это тоже давило, как бетонная плита. Черт, он даже в армии не служил, из-за судимости, а потом благодаря статусу студента. Черт!

Но комплексы комплексами, а процесс запущен и идет независимо от твоих на него взглядов. Тем более, винить некого, сам вызвался. Вот он танк, а вот и ноги фрица. И как его прикажете наружу извлекать, спрашивается? Бросив короткий взгляд в сторону казармы, Сергей увидел, как вдруг медленно и бесшумно, словно во сне, начал оседать часовой. Интересно, чем его так? Что же, пора, времени на рефлексии больше нет.

Подумав еще секунду, он с силой толкнул обутую в сапог ногу танкиста.

– Курт. Ку-урт...

Немец завозился, повернулся на бок и попытался было заснуть вновь. Пришлось толкнуть его еще пару раз. Наконец, убедившись, что его в покое не оставят, танкист заворочался и, судя по звуку, обо что-то приложился башкой. Из танка донеслась приглушенная броневой коробкой брань. Ну, это и без переводы можно понять. Что-нибудь вроде «козел», «дебил» или еще какой эпитет. И довеском к этому, скорее всего, нечто вроде «какой я тебе Курт». Сергей весьма сомневался, что угадал с именем, выбрав из всего их многообразия единственно верное.

Наконец танкист начал выползать из своего металлического гроба. Вначале окончательно выдвинулись ноги, потом тулово, башка... А потом Сергей рывком выдернул немца и, не дожидаясь, пока тот сообразит, что происходит, в лучших традициях бокса пробил классическую «двойку». Немец охнул и обмяк.

Оставалось спеленать пленного его же ремнем, что с непривычки получилось не больно-то сноровисто, и записать ему в рот импровизированный кляп, реквизируя для этого у него из кармана носовой платок. Шикарная, кстати, тряпка, у иных хозяек полотенца меньше бывают. Все, забрать пистолет – и бегом к своим, которые уже нетерпеливо переминаются с ноги на ногу.

– Чего так долго?

– Пока связывал, провозился.

– Какого хрена? – Мартынов едва не шипел. – На кой нам пленный?

– У нас три танка. Уверен, что этот, – Сергей ткнул пальцем в их танкиста, похоже, из-за многократно и стремительно меняющейся ситуации до сих пор не вполне осознающего, что происходит, – сумеет разобраться с трофеями. Я – не очень, а бросать исправные танки считаю глупым.

Непонятно, поверил Мартынов его словам или сообразил, что новобранцу кровь пустить духу не хватило, черт знает. Тем не менее, аргументацию он принял, кивнул, соглашаясь, и спросил только:

– Оружие взял?

– Да, – Сергей показал ему пистолет.

– А автомат?

– Какой?

– В танке должен быть автомат, это их штатное оружие. Ладно, я виноват – не предупредил. Давай пушку, – Сергей протянул ему оружие. – Так, это вальтер. Нормальный агрегат, надежный. Вот так вставлять обойму, так снимать с предохранителя, патрон досылаешь таким образом... Все, можешь стрелять. В обойме восемь патронов. Сейчас, значит, семь и один в стволе. Запасную обойму взял? Молоток. Ну, будем надеяться, она нам не понадобится.

– Возьми лучше ты, в доме пистолет удобнее всего, а ты

единственный, кто умеет им владеть.

Мартынов задумался на миг, потом кивнул, как показалось Сергею, с некоторой долей уважения и взял оружие. Вместо него протянул винтовку, предупредив, что она готова к бою. Шевеление пальцем – и выстрелит, с этим любой дурак справится. А большего, даст бог, и не потребуется.

Вообще, штурмовать набитое солдатами здание абсолютно неподготовленной, не умеющей совместно работать и даже толком не владеющей оружием группой – дурь несусветная, это даже Сергей понимал. Мартынов, впрочем, разобрался в вопросе как минимум не хуже. И пошел он один, приказав товарищам сидеть под окнами и караулить, чтобы никто не вздумал бежать. Убедился, что приказ выполняется, махнул рукой и бесшумно, как призрак, скользнул внутрь здания. И даже тяжелая, разохшаяся дверь не скрипнула.

Прошло всего-то пять минут, а показалось – вечность. Стрелки часов будто остановились. А потом раздался дикий вопль, и из окна второго этажа едва не на голову Сергею выпрыгнул немец. Свалился, будто мешок, но тут же вскочил, очумело мотая головой. Был он босиком, в одном белье и без оружия, но винтовки в руках студента не испугался и сориентировался мгновенно. Это вам не бургер с турецкого курорта. Пользуясь малой дистанцией, с завидной сноровкой отбил предплечьем левой руки ствол в сторону и тут же пробил в лицо с правой.

Сергею показалось, будто в голове у него взорвалась гра-

ната. Следующее, что он увидел, уже лежа на земле, было, как немец нагибается за оружием, распрямляется, держа винтовку привычно, словно продолжение собственных рук, и тут позади него из темноты вырывается сноп огня, раздаётся грохот, и фриц валится навзничь.

– Серега, ты как? Живой?

– Живой, – прохрипел Сергей, неловко пытаюсь встать. Игнатьев – а это был он – нагнулся, подхватил товарища за шиворот и рывком вздернул на ноги. – Спасибо...

– Должен будешь. На, держи, – Игнатьев сунул ему в руки винтовку. – Только не теряй больше.

– Постараюсь, – Сергей пощупал языком шатающийся зуб. – Мать его, как больно-то. Да откуда этот урод взялся...

– Потом ругаться будешь...

Это Игнатьев сказал, уже возвращаясь на позицию, и он был прав. Надо было доделать то, ради чего они сюда пришли. Однако никто больше не вопил и из окон не прыгал. Лишь треснуло несколько пистолетных выстрелов, да прозвучала короткая, словно на полпути захлебнувшаяся, автоматная очередь. Ну а еще через несколько минут отворилась дверь, на сей раз с ужасающим скрипом.

Наученный горьким опытом, Сергей мгновенно развернулся и чудом удержался от того, чтобы не выстрелить. С другой стороны этот же подвиг совершил Ковальчук. Сзади, громко топая, бежал Игнатьев. Впрочем, Мартынову тоже хватило ума не лезть сразу. Вместо этого он вначале крик-

нул, чтобы не стреляли, а уже потом вышел, стволом пистолета толкая промеж лопаток двух уныло бредущих немцев – офицера и киношника. У первого оказалась сломана левая рука, у второго наливалась видимой даже в ночи синевой огромная, на пол-лица, гематома.

Сам Мартынов выглядел до безобразия довольным, а для своего возраста еще и невероятно бодрым. И прибарахлиться успел, на правом плече висел автомат, за пояс, по-пиратски, заткнул два пистолета – такой же вальтер, как добытый Сергеем, и второй, похожий, но более архаичного вида. Не чуждый образования Сергей определил его, как парабеллум.

– Ну что, орлы, принимайте, – ухмыльнулся Мартынов и дал пинка недостаточно расторопному оператору. Тот злобно зашипел, как огромный кот, но вслух огрызнуться не осмелился. – Как вам добыча?

– Да ты крут, Палыч, – в тон ему ответил Игнатьев. – Слушай, ты кто такой вообще, а?

– Зовите меня Терминатором, – замогильным голосом отозвался тот, самым тоном давая понять, что это шутка. Однако разговор легко и непринужденно перевел в другую колею. – Сергей, за пистолет спасибо, пригодился. На, держи, – в ладонь студента легла уже знакомая рукоять. – И это тоже, – довеском к вальтеру последовала по-немецки аккуратная сделанная пачка патронов. – Я тебе потом покажу, как он разбирается-чистится.

Утро они встречали уже в новом статусе. Расположились на площади да подсчитывали трофеи, которых набралась целая гора. Ну и обдумывали, как жить дальше, заодно перебарывая плотный завтрак и информацию, полученную от пленных немцев.

Действительно, их сюда пригнали для съемок «правдивой кинохроники». Почему именно сюда? Да потому, что здесь лишних глаз, которые потом могут обернуться воплями о постановочных сценах, можно не опасаться. Не то чтобы это кого-нибудь особо волновало, но пропагандисты Третьего рейха, похоже, были весьма озабочены собственным имиджем в глазах потомков. Небольшая же группа солдат, участвующих в массовке и охране, погоды не делала. Подписка о неразглашении да премиальные – и делу конец. Местные же... А что местные? Кому какое дело до унтерменшей? И уж тем более до пленных, которых можно вывести в расход сразу по окончании процесса?

Кстати, эти самые местные выглядели крайне недовольными – и тем, что их объедают, и самим фактом происшедшего. Рано или поздно немцы сообразят, что от киношников слишком долго нет вестей, и погонят людей их искать. Тогда жителям деревни не поздоровится. Впрочем, данное обстоятельство Сергея не особо волновало. В конце концов, у них хватает времени, чтобы, собрав весь необходимый скарб, уйти в леса, благо, они тут достаточно густые. Ну а раз сидят на месте, значит, расклады их устраивают. И тот факт, что

для партизанской активности время еще не пришло, особой роли не играет.

Зато оживились пленные красноармейцы. От шока наконец отошли, поели, как белые люди, выпили местного самогона, вонючего, но забористого, и теперь слонялись по площади. За ее пределы, правда, не выходили. Короткого, но злобного рыка Мартынова оказалось достаточно для того, чтобы все четко уяснили границы дозволенного. Альфа-самец, блин...

А вот те, кто вчера оказался в расстрельной команде, заметно приуныли и сидели тихонечко, явно надеясь, что их забудут. Черта с два, не забыли, но... Но и устраивать им репрессии не собирались. Мартынов сказал, что когда они покинут деревню, то предоставят морально нестойких красноармейцев своей судьбе. Когда выберутся, как вылезут, куда пойдут – их дело. Остальные согласились, и лишь Хинштейн попробовал возмутиться. Однако Ковальчук осадил его одной-единственной фразой: «Видели мы, что от вас, жидов, ожидать можно». Хинштейн заткнулся, лишь злобно сверкая глазами, но в открытую больше не протестуя.

Откровенно говоря, Сергей понимал, что неожиданное мягкосердечие, проявленное Мартыновым, исходит не от его нелюбви к евреям, а от банального нежелания мараться. Но сказанное их боевым хохлом тоже имело право на жизнь, и никто не пытался спорить. Какая-то крупница истины, судя по вчерашнему, в его словах однозначно имелась. Зато уди-

вил сам Ковальчук.

Вначале он выпил неожиданно много. Стакана три на рыло, почти не закусывая. Потом проблевался в кусты. Потом впал в истерику... С ним поговорили и, несмотря на всхлипывающие матюги, смогли понять, что произошло.

Шок у парня. Только не из-за стрельбы – это для того, кто застал развал страны и, пусть даже самым краешком, гражданскую войну, мелочи. Просто так получилось, что обработка мозгов у хохлов была поставлена не то чтобы особо качественно, а, скорее, массово и грамотно. И, когда родители (не у самого же Володи хватило мозгов свалить с Незалежной) дернули в Россию и вывезли детей, определенное мировоззрение у парня уже сформировалось. Позже оно малость трансформировалось под влиянием уже российской пропаганды, но до конца так и не умерло. Ну а вчера, посмотрев на творимый немцами беспредел, Ковальчук банально перестал понимать, кому верить и как жить. Культурный шок у человека случился, бывает. Ломка понятий вообще страшная штука. В общем, налили парню еще стакан и отправили отсыпаться, чем он сейчас и занимался, немелодично храпя в комнате на первом этаже. Остальным же работы хватало, и это было не только обсуждение стратегических планов.

Для начала вышвырнули из дома тела всех немцев. Мартынов расстарался, да уж – большинство были убиты ножом, а двое, похоже, и вовсе голыми руками. Кто он вообще такой, черт возьми? Однако убивал крутой пенсионер, а уби-

рать пришлось всем остальным. Заодно и трофеями обзавелись. Правда, куда более ценным, чем оружие, Сергей счел кучу бритвенных принадлежностей из хорошей стали – щетина уже ощутимо кололась. В конце концов, оружия у них и так гора, а хорошую бритву найди, попробуй.

Оружия и впрямь набралось с избытком. Да что там с избытком – до хрена! Из танков, что стояли на съёмочной площадке, без проблем завели оба БТ, оказавшихся седьмой модели, с бензиновыми двигателями, и, немного помучившись, два Т-26. Что интересно, один – с двумя пулеметными башнями, а второй – с пробойной. Состояние его башни характеризовалось анекдотом о том, что «если б мозга была – сотрясение бы случилось». На этих танках оборудования внутри был минимум, и при некоторой удаче малокалиберный снаряд из противотанковой «колотушки» способен был издыривать броню, не причинив вреда механизмам. Что, в принципе, и произошло, хотя тем, кто был в тот момент внутри башни, не поздоровилось. Запекшейся крови на броне хватало.

Оставшиеся «двадцать шестые» имели куда более серьезные повреждения, просто их вчера, с неудобного ракурса, не было видно. Впрочем, танкисты суетились вокруг и о чем-то активно спорили. Может, что и сделают – они вообще, получив конкретную задачу, оживились и стали вести себя, как нормальные люди. Ну, почти нормальные, хотя что является нормой для этого времени, пришельцы из будущего пред-

ставляли довольно смутно.

Еще удалось завести то корыто с моторчиком, оказавшееся танкеткой Т-27. На это моточудо даже местные поглядывали с толикой презрения – втиснуться в него уже само по себе выглядело подвигом. Будет ли от него толк? Сомнительно, стоящая на узких гусеницах, да еще и лишенная пулемета, сейчас танкетка годилась разве что для разъездов.

Памятуя старую армейскую истину о том, что солдаты всегда должны быть при деле, Мартынов, которого все, не пытаясь оспорить, воспринимали как командира, тут же послал бывших пленных заниматься танками. Механикам помогать, башню дырявую от крови отмыть, запасы снарядов проверить. Они, кстати, имелись – в одном из БТ осталось аж под сотню. Почему немцы их не разгрузили? Версия напрашивалась только одна – планировали этот танк эффектно взорвать.

Кроме отечественной, имелись еще и три образца немецкой техники – «четверка», Рз-III и чешский «тридцать восьмой». Этого барахла у немцев, как пояснил разбирающийся в вопросе Мартынов, было чуть больше, чем до хрена – чехи на них работали самоотверженно и с полной отдачей. Пленный немецкий механик-водитель смотрел волком и вначале даже пытался лепетать что-то по поводу своей готовности выступить посредником и выторговать для своих пленителей условия получше, когда они будут сдаваться доблестному вермахту. В ответ на это Востриков, у которого, похоже,

на фоне стресса прорезался талант психолога, извлек трофейную бритву и начал деловито примеряться к ушам танкиста. В общем, склонил к сотрудничеству, так что имелся шанс, что три пребывающие в идеальном техническом состоянии боевые единицы пополнят и без того запредельный арсенал.

Ну и вишенкой на торте – стрелковое вооружение. У немцев трофеями взяли полтора десятка винтовок, четыре автомата и восемь пистолетов – в основном вальтеры и парабеллумы у офицера. Плюс в кузове грузовика нашлась целая гора – в основном винтовки Мосина, два ручных пулемета с похожими на тарелки магазинами, пара наганов. Были и патроны, хоть и не слишком много. Все оружие, правда, требовало немедленной чистки-смазки, однако выглядело исправным. В общем, неплохой стартовый капитал.

– Ну, братцы-кролики, что будем делать? – задал риторический вопрос Мартынов, когда они, закончив ревизию, прервались на обед. Продуктов хватало – немцы, видимо, неплохо прошарились по здешним продовольственным закромам и набрали себе неплохой доппаек. С утра, кстати, уже приходил какой-то дедок, выбранный местными делегатом. А что? Вполне логичное решение, стариков уважают, а и грохнут – невелика потеря, он свое пожил.

Так вот, дедок интересовался, когда можно забрать реквизированное. Сергей еле удержался тогда, чтоб не послать его куда подальше. Однако Мартынов ситуацию разрулил, ска-

зав, что когда они отсюда уйдут, что останется – пусть забирают. Угу, останется... Три грузовика и куча танков, всю деревню загрузить можно.

– А что, есть варианты? – вопросом на вопрос ответил Сергей, с интересом осматривая СВТ, покорившую его сердце brutalным видом и блестящим, словно зеркало, штыком. Одна такая и нашлась, и, когда он, в придачу к двум вальтерам, прихватизировал и ее, никто даже не пытался возражать. Тем более, автоматов на всех не хватало, а таскаться с тяжелой и неудобной винтовкой никому особо не хотелось. – Валить отсюда надо. Вопрос только, куда и каким составом.

– Поясни мысль.

– Давайте уж, раз все равно думать о будущем, бабки подбьем. Пока время есть. Все согласны?

Дождавшись, когда народ единогласно (при одном воздержавшемся – Ковальчук по-прежнему дрых, полностью отрешившись от происходящего) одобрит предложение, Сергей продолжил:

– Вот смотрите. Нас сюда закинули...

– Я бы за такие шутки кое-кому яйца оторвал, – не удержался от комментария Игнатьев.

– За что? – Сергей искренне удивился. – Нас наняли для проведения эксперимента по выживанию – и ни словом не соврали. Больше того, мы все согласились с условием, что заранее место указано не будет. Единственно, насчет того,

что забросят в прошлое, разговору не было – ну так мы сами не спросили. Формально все честно.

– Ты прямо еврей. Или адвокат, – буркнул Мартынов.

– Это одно и то же, – отмахнулся студент. – Но придраться и впрямь не получится.

– Ага, ага. Прямо как у моей сестры. Купила на рынке у бабки травку, от которой мужик всю ночь будет как кролик... Он и правда всю ночь, как кролик. В сортире просидел, катышками гадил.

– Во-во. И не придерешься. Но вопрос не в том. Для нас сейчас главное, что нанимали нас на год. То есть мы должны год продержаться, а потом выйти к точке сбора. Помните, на инструктаже об этом говорили?

– И что?

– А то, что до этого момента нас никто вытаскивать не будет. То есть через год мы должны оказаться там, где появились. А до того как-то выжить. Логично?

– Сейчас война, – хмуро бросил молчащий до того Хинштейн. – Насколько я помню, через год здесь еще будут немцы.

– И это они говорили. Эвакуация – в одно и то же время ежегодно. Стало быть, не сможем через год – придем через два. Или через три.

– Ошалел?

– Нет, пытаюсь выстроить логическую цепочку. Но вот что будем делать и как выживать – это решать придется уже сей-

час.

– А чего там решать? Забьемся в лес, перебедем как-нибудь.

– Альберт, у тебя бабушка не русская?

– А... да, а что?

– Много чисто русских, но устаревших оборотов используешь. Но не суть. Подозреваю, после нашей доблестной эскапады никто усидеть не даст. Будут ловить и мстить. Палыч, как думаешь?

– Не факт, – задумчиво отозвался Мартынов. – Совсем не факт. Но вероятность большая.

– Стало быть, надо уходить, и подальше. Вопрос только, где нам будет более-менее безопасно? Что делать с горой оружия? И с людьми? Если идем только сами – один вариант, если тащим с собой этих, – Сергей махнул рукой в сторону красноармейцев, – совсем другой. Три с лишним десятка человек, восемь танков, грузовики... Кстати, как с горючим?

– В деревне была МТС...

– Чего-о? – дружно вытаращились все.

– Машинно-тракторная станция, – ухмыльнулся Востриков. Именно ему поручили пройти по деревне и определиться, что здесь есть, а чего нет. И представитель либеральной интеллигенции в сопровождении лица еврейской национальности вполне справился с задачей – опасность для собственной шкуры весьма подхлестывает деловые качества. – А вы что подумали?

– Ты продолжай, продолжай, – махнул рукой Игнатьев.

– Так себе станция, на пару тракторов. Но бензин есть. Не знаю только, будут ли его жрать движки этих, – он кивнул головой в сторону БТ, – монстров.

– А у нас есть выбор? Зальем, что есть.

– То есть куча более-менее исправной техники, – подытожил Сергей. – Люди, оружие. Куда только со всем этим идти? Или просто сжечь и бросить? И никакой связи! Ох, полцарства за мобилу!

– Размечтался, – усмехнулся Мартынов. – Но бросать технику, я считаю, не стоит. Неспортивно как-то.

– Значит, этих умников придется тащить с собой. Тех, кто сам захочет. И нечего на меня возмущенно смотреть – отломавшихся, вроде того, который на меня донести хотел, только проблемы. Согласны? Тогда думаем. Потому что это чудо дизельпанка, – тут Сергей ткнул пальцем в сторону танков, – ни с какой стороны не вундервафля⁵. И, самое паршивое, наши даже без раций.

– Мне кажется, надо к нашим пробиваться, – хмуро сказал Игнатьев.

Идею раскритиковали в четыре горла. Если с тем, кто здесь «наши», вопросов не возникло, то прорываться к ним... куда? Где линия фронта? Как далеко? А главное, какие немецкие части попадутся им по дороге и сколько танков у них окажется? Притом, что прорывающихся окруженцев

---

⁵ Чудо-оружие (искажен. нем., совр. сленг).

наверняка куча, немцы о них знают и со свойственной этому народу педантичностью отлавливают. В общем, прорваться можно, однако и риск при этом как-то не вдохновляет.

Хорошо еще, с местоположением удалось определиться. У немцев нашлись на удивление подробные карты, правда, малость устаревшие. Лет этак на двадцать. Читать их, не зная немецкого, оказалось неудобно, однако законы топографии едины, а потому справились – и Мартынов, и Игнатьев в этом неплохо разбирались. Так что, мобилизовав для уточнения непонятных и изменившихся моментов одного местного кадра, старшие товарищи принялись активно выстраивать новую стратегию.

Эрзац-проводник, хоть и был в том самом юном возрасте, который вроде бы обязан толкать человека на подвиги, особо напрягаться не желал. А хотелось ему сидеть дома, и чтоб не трогали. Неудивительно, впрочем – эти территории, как выяснилось, отошли к СССР всего-то пару лет назад. Однако, хотя советская власть и не успела пропитать крепкого телом, но щедедушного мозгами аборигена духом коллективизма и взаимовыручки, пришельцы из будущего живо исправили это упущение. Впечатленный кулаком возле собственного носа, а также пониманием, что грамотно поставленный фингал способен закрыть весь мир, парнишка моментально проникся важностью задачи. Ну а местность вблизи своей деревни он знал неплохо, так что прогресс шел семимильными шагами.

Востриков и Хинштейн тоже времени даром не теряли. Эти двое, похоже, решительно подгребали под себя интендантскую часть. Что же, хоть об обеде можно было не беспокоиться. А Сергей, пользуясь моментом, попытался разобратся с доставшейся ему винтовкой.

СВТ-40 оказалась штукой на редкость хитрой. Во всяком случае, заклинило ее уже после третьего выстрела, и Мартынов здесь помочь ничем не мог. Он ее раньше видел, как сам проговорился, на Донбассе, но не более того, даже в руках не держал. Так что пришлось тряхануть красноармейцев, и среди них живо нашлось аж двое, ранее имевших дело с таким оружием. И оставшееся до вечера время Сергей посвятил ее освоению – оружие, убойное и скорострельное, было в то же время сложным и капризным. И даже тот факт, что образовательный уровень давал новому владельцу СВТ немалое преимущество перед вчерашними едва освоившими грамоту колхозниками, помогал несильно.

А под вечер в деревню влетели немецкие мотоциклисты.

Наверное, планида у Сергея была такая – оказываться в центре событий. Во всяком случае, если судить по количеству проблем, выпавших на его долю в последнее время. Когда первый мотоцикл влетел на площадь, он как раз сидел на крыльце и заканчивал возиться с винтовкой, гадая, правильно ли настроил газовый регулятор, или «Света», как называли оружие красноармейцы, опять решит показать свой

норов. Учитывая, что солдаты, показавшие, как обращаться с оружием, и сами не блистали особыми навыками, вопрос звучал актуально.

Сидел он в гордом одиночестве – все уже расплзлись спать. А задумчивость и рассеянное внимание оказались плохими союзниками – он сообразил, что происходит, только когда немцы уже оказались в несчастных двадцати метрах от него, осадив свои мотоциклы, будто строптивых коней. Впрочем, надо отдать Сергею должное, он поступил на этот раз невероятно хладнокровно. Может быть, потому, что весь адреналин начисто пережег в прошлые дни, а сейчас вдобавок накатила усталость – за сутки он проспал всего-то часа три. Во всяком случае, попытайся он драпануть – и шустрые байкеры имели неплохие шансы изрешетить его. Как ни крути, веские автоматические аргументы как минимум у двоих имелись, а на переднем мотоцикле еще и пулемет в люльке был установлен. Три других транспортных средства подобным украшением похвастаться не могли, но Сергею и одного бы хватило за глаза.

Интересно, почему часовые не подняли тревогу, меланхолично подумал он, спокойно и неспешно, даже чуть замедленно вставляя магазин. Скорее всего, именно эта замедленность, никак не ассоциирующаяся с застигнутым врасплох врагом, и сыграла с немцами злую шутку. У них еще не нарабатался жизненно важный на Восточном фронте рефлекс – если видишь что-то непонятное, стреляй, а уж потом смот-

ри, кого убил. Дослать патрон в ствол – так же неспешно... А потом упереть приклад в бедро и в автоматическом режиме выпустить по немцам весь магазин.

В этот момент Сергей на собственной шкуре почувствовал, насколько избыточна для ручного оружия мощь винтовочного патрона. И соответственно понял, почему стрелять так ему категорически не советовали. Тяжелую автоматическую винтовку мотнуло в руках не хуже пожарного шланга. Хорошо еще, собрал и отрегулировал оружие он правильно и «светку» не заклинило. Все десять пуль – увы, магазин был все же маловат – она выплюнула в хорошем темпе, а промахнуться с такой дистанции довольно сложно.

Двоих немцев, тех, что сидели на переднем мотоцикле, попросту смахнуло. Одного насмерть, второй покатился по земле, оставляя в пыли темный след, вскочил, зажимая рукой бедро, и тут же рухнул. Все это Сергей отметил краем сознания – сам он уже сидел, укрываясь за крыльцом, и лихорадочно перезаряжал оружие. На этот раз от спокойствия не осталось и следа, руки тряслись, и магазин никак не хотел вставать на место. Зато немцы не сплеховали.

По бревнам над головой Сергея словно барабанными палочками простучали. Странно даже, грохот выстрелов он почти не слышал, а вот звук, с которым пули врезались в плотную, немного потемневшую от времени древесину, по ушам бил отчетливо. Немцы палили из всего, что было, и если от автоматов, при всей их скорострельности, толстые доски

крыльца неплохо защищали, то винтовочные пули протыкали их насквозь. Хорошо еще, плотность огня четыре винтовки обеспечить не могли, и распластавшийся на земле Сергей чувствовал себя практически в безопасности.

А вот пулемет у немцев пока молчал – он как раз на лишившемся седоков мотоцикле и был установлен. Пока молчал... Если немцы не идиоты – а в тупости их упрекать как-то глупо, дураки до самой Москвы не дошагали бы – они его сейчас шустренько задействуют, и, как говаривал незабвенный Пончик⁶, «прощай, любимая береза».

Закончив наконец перезарядку, Сергей, извиваясь ужом, подполз к краю своего укрытия и осторожно выглянул. Как оказалось, вовремя – один из фрицев уже всю крутился возле пулемета. Сергей выстрелил и, как ни странно, почти попал – мотоцикл дернулся и осел на спущенное колесо. Немец шарахнулся...

Позже студент не забыл с чувством похвалить себя за предусмотрительность. Вместо того чтобы устраивать перестрелку, он откатился в сторону – и очень правильно сделал. Угол крыльца словно взорвался, разом превратившись в дуршлаг. Фрицы лупили в то место, где только что находился стрелок, из всего, что у них было, а доски здесь, как оказалось, не держали и автомат. Дырок появилось много и сразу.

Точку в споре поставила граната, вылетевшая из окна. Обычная немецкая «колотушка» – у нее, вообще-то, время

---

⁶ Персонаж Н. Носова.

горения запыла несколько секунд, но, видимо, бросивший сей метательный снаряд его малость придержал. Во всяком случае, рванула она еще в воздухе.

Вслед гранате короткими очередями заработал автомат. Пять секунд – полет нормальный! На земле остались трупы – и, в принципе, все.

– О, а вот и пулемет, – Мартынов толчком распахнул дверь и вышел, небрежно держа автомат. Небрежно-то небрежно, вот только что-то подсказывало Сергею: пустить оружие в ход приданный их группе терминатор способен практически мгновенно. Подойдя к мотоциклам, он хозяйственно осмотрел оружие и как-то очень ностальгически вздохнул: – МГ тридцать четыре. Классика не стареет. Так, орлы, быстро осмотреться вокруг!

Осмотрелись. Долго матерились. Как оказалось, оба часовых напились в хлам и дрыхли. Мартынов бил им морду... Игнатьев бил им морду... Сергей... Ну, у него сегодня был первый труп в жизни. Никаких комплексов не всплыло, блевать, как в тупом романе, не тянуло. Однако нервы адреналин в очередной раз подстегнул, а потому студент был злой и к воспитательному процессу подошел с двойным энтузиазмом. На этом этапе возмутился кто-то из красноармейцев, совсем молодой парень, завопивший, что по-старорежимному... дальше его не стали слушать, а дали в морду. Остальные экс-военнопленные отнеслись к происходящему с пониманием и даже с энтузиазмом. Похоже, никому под раздачу

попадать не улыбалось.

– После этих чудаков ждать больше нельзя. Вот-вот немцы заинтересуются, что здесь за черная дыра организовалась. Завтра рвем когти, – заявил Мартынов вечером, когда порядок был наконец наведен и даже починили два мотоцикла, безжалостно разобрав остальные на запчасти. Кстати, справиться с ремонтом особых проблем не составило – во-первых, они, как и положено армейской технике, были до безобразия просты, а во-вторых, в их команде не оказалось безруких. И едва ли не самым полезным оказался тут Востриков.

Отрочество их интеллигента пришлось на семидесятые, когда техники, подобной трофейным мотоциклам, хватало в любом дворе. Не совсем такой – но в любом гараже пацаны собирали-разбирали отечественные агрегаты, недалеко от них ушедшие. Кое-какие навыки у журналиста сохранились, и в моторах он копался с энтузиазмом.

– Куда?

– Вперед. Там немцы нас не ждут. Но не сразу. Здесь, по соседству, они лагерь организовали, пленных сгоняют. А у нас куча техники – и минимум людей. Да и что за люди? Пехота сомнительной квалификации в основном. А теперь спать. Завтра будет тяжелый день.

Лагерь для военнопленных выглядел несерьезно. Видно было, что организовывать его пытались по-немецки основа-

тельно. Вот только немецкий характер столкнулся с непреодолимым препятствием в лице отсутствия времени и ресурсов. Так что два ряда невысоких колышков с натянутой между ними колючей проволокой, ворота из сколоченных крест-накрест жердей и четыре кое-как сляпанные вышки для часовых, невысокие и всего с двумя пулеметами. При всем этом безобразии обреталось человек двадцать немцев при одном грузовике под командованием мордатого хмыря в чине капрала. Во всяком случае, именно так его погоня расшифровал один из красноармейцев, который два года назад участвовал в Польском походе и на немцев успел насмотреться.

Технически все было вроде бы просто. Численное преимущество и куча бронетехники – вломиться и всех перестрелять... Только если не учитывать факт, что за «колючкой» две сотни человек, и все, что при лихом кавалерийском наскоке полетит мимо цели, накроет их и перемолотит в мясо. И укрыться людям, что характерно, негде.

Сейчас пришельцы из будущего залегли на краю леса и передавали друг другу бинокль, рассматривая место будущей драки. Вообще, сейчас, к вечеру, у всех, за исключением Мартынова, который, похоже, и не такое видал, капитально притупилось восприятие. А что делать? Привыкшая к ненавязчивой расслабленности двадцать первого века психика не справлялась с нагрузкой. Возможно, какой-нибудь солдат-контрактник или даже срочник, со всем этим спра-

вился бы без труда. Вот только здесь и сейчас собрались люди, из которых трое вообще не служили, а двое других бежали с автоматом очень давно, успев позабыть эти ощущения. Так что трехдневный психологический прессинг вкупе с физической усталостью если и не сломили их, то пригнули капитально. И даже Мартынов, несмотря на то, что упорно «играл мышцей», выглядел усталым – сказывался возраст.

Марш-бросок сегодняшний тоже был не сахар. Из деревни они вышли на восьми танках (механики за ночь все же смогли реанимировать еще один Т-26), двух мотоциклах, трех грузовиках и танкетке, загруженной бочками с топливом. МТС ограбили «в ноль», так что пришлось использовать танкетку в качества тягача, зацепив к ней самую обычную телегу. Грохотал получившийся монстр едва ли не громче танковых моторов, но функцию свою выполнял исправно. Трещавшие, как швейные машинки, трофейные мотоциклы завершали процессию.

Вы глядело это грозно, по факту же – скорее, наоборот. Снаряды кое-как раскидали, а вот с патронами дело было швах. С бронебойными же снарядами – а практически все такими и были – против пехоты, если она встретится, идти кисло. Людей... На такую массу техники их тоже не хватало. Да и квалификация у новоиспеченных танкистов отсутствовала, как класс. Даже за рычаги сажать было некого. Хромову сегодня пришлось освоить вождение танка БТ... Хорошо еще, по случаю жаркой и сухой погоды это чудо техники

оказалось способно перемещаться на колесах. В принципе, для подобных маршей он и предназначался. Управлять танком – это, конечно, не рулить автомобилем, но на колесном ходу положение несколько облегчалось. Для этого здесь был штурвал, почти как на обычном автомобиле, хотя для того, чтобы его крутить, требовались крепкие мускулы. Никаких тебе гидро-электроусилителей. Сидящему во втором БТ Ковальчуку было проще – в кои-то веки избыточная мышечная масса пригодилась, однако к концу их броска он тоже с трудом держался на ногах.

Вдобавок ко всему, один из Т-26 навернулся через десяток километров. Тот самый, двухбашенный – его трансмиссия оказалась изношенной донельзя и сейчас посыпалась хлеще, чем на «жигулях». Все, что удалось сделать, это снять с танка пулеметы и, спихнув его с дороги, на скорую руку замаскировать. Даже горючее сливать не стали – время поджимало, торчать на дороге никому не хотелось.

Немцев по дороге не встретилось – их концентрация все же была пока совсем невелика. Зато дважды видели самолеты, и оба раза, что интересно, советские. Это вызвало бурную и не вполне адекватную реакцию у Вострикова – несмотря на происходящее, дурь из его мозгов полностью вылететь не успела. А каждый истинный либерал знает – в начале войны по вине тирана Сталина СССР лишился всей авиации, а та, которая попустительством Бога и люфтваффе уцелела, все равно не могла ничего сделать, ибо советские летчики не

умели летать...

А вот черта с два. Оба раза шли большие, по полтора десятка машин, группы бомбардировщиков. В четком строю, под прикрытием истребителей... Более того, когда на одну из этих групп вывалилась из-за редких облаков четверка мессеров, ей навстречу протянулись многочисленные трассы из бортовых пулеметов, а истребители прикрытия контратаковали. И немцы, а не советские пилоты, в короткой стычке потеряв один самолет, бесславно ретировались. Судя по охреневшим глазам журналиста, ломка стереотипов в его голове продолжалась. Ну и пусть! Никто выказывать сочувствие чужим тараканам не собирался.

И вот сейчас, замаскировав технику в лесу примерно в километре от цели и выставив часовых (последние, впечатленные шамкающими товарищами, чьи зубы вчера изрядно проредились, выказывали даже избыточное рвение), они все дружно выдвинулись к месту предстоящей операции. По всему выходило, что справятся, вопрос лишь в количестве жертв. Не то чтобы это выглядело критичным для циничных выходцев из двадцать первого века, но все равно как-то нехорошо получалось.

– Ну, Палыч, что предложишь? – когда после долгой паузы молчание стало чересчур утомительным, спросил Игнатьев. Мартынов лишь пожал в ответ плечами:

– Будь здесь моя группа, сделали бы их без шума и пыли. Но с этими олухами... – он раздраженно махнул рукой в сто-

рону расположившихся в овраге красноармейцев. – Они ж почти все могут только в атаку ходить, да и то на дистанции прямой видимости.

Интересно, что за группа у него была... Впрочем, этот вопрос Сергей оставил при себе. Неважно, по большому счету, захочет – скажет сам. Куда больше Хромова волновали ноющие кисти рук, но с этим ничего нельзя было поделать.

– Лучших взять один черт неоткуда.

– Это точно. Придется работать с тем, что есть. Смотрите сюда, – Мартынов ткнул пальцем в сторону лагеря. – Наибольшую опасность представляют их пулеметчики на вышках. Их надо валить, без вариантов. Любые две вышки я на себя возьму, но две другие... Кто из вас? Сергей, ты вроде со своим карамультуком освоился уже?

– Не уверен, что смогу их снизу вверх быстро снять, – честно признался Сергей. – Дистанция метров двести, вроде немного, только и я не снайпер.

– Одного возьму я, – вмешался Игнатьев.

– А второго – я.

Все дружно обернулись к Хинштейну. Тот пожал плечами – истрепавшийся за эти дни, измазанный мазутом пиджак колыхнулся мятой тряпкой.

– Я когда-то занимался стрельбой. И винтовку пристрелять успел.

– Решили, – кивнул Мартынов. – Петр, Володя, гоните сюда нашу доблестную Красную армию, пускай харчи отраба-

тывает. Стрелки на позиции. Сергей, а ты...

– А я, – тут Сергей зло усмехнулся, – возьму на себя всех остальных.

Полчаса спустя он, обряженный в мышинового цвета мундир, возился около полевой кухни, старательно держась спиной к немцам. Бывший хозяин одежды лежал недалеко, примерно в пяти метрах, в состоянии глубокого нокаута, со скрученными руками и кляпом во рту. Если у него насморк – задохнется. Впрочем, черт с ним. Вырубить фрица было просто, тяжелее оказалось подловить момент, когда никто с вышек этого не увидит. Однако повар – тоже человек, и, отойдя до ветру, оказался уязвим настолько, насколько вообще может вляпаться человек со спущенными штанами.

Кстати, натянуть их Сергей так и не смог себя заставить. Брезгливость никуда не делась. Пришлось ограничиться мундиром и надеяться на то, что внимания на это не обратят. Хорошо еще, остальные немцы и сами не слишком соблюдали форму одежды. Во всяком случае, без мундиров ходили многие. Расслабились тут.

Все, пора, вот только... как? Именно сейчас Хромов сообразил, в чем слабость его плана. Он же ни бельмеса по-немецки. И как на их гавкающем наречии будет слово «ужин»? И вообще, когда он у них? Ладно, придется импровизировать.

Звук, с которым половник бьет по котлу, трудно назвать мелодичным. Однако же сигнал и впрямь оказался универ-

сальным. Фрицы потянулись к кухне как те коровы – организованной толпой. Некоторые, правда, поглядывали с легким удивлением на часы, но тут немецкая дисциплина сыграла не в их пользу. Если ужин раньше срока – значит, так нужно, поэтому как без приказа повар ничего не сделает. И, когда ругающийся капрал сообразил, что процесс идет без его контроля, и двинулся разобратся, большая часть немцев уже сбились в кучу недалеко от кухни. И две гранаты, полетевшие в них, разметали людей в разные стороны.

Сергей взрывы благополучно пересидел за котлом. Хотя, конечно, когда осколок прошел тонкое железо над его головой и оттуда вырвалась струя аппетитно пахнущего, но чертовски горячего пара, было неприятно. Тело упорно требовало от хозяина сжаться в комок и спрятаться, но разум все же оказался сильнее. Подхватить автомат, спрятанный позади кухни, вжать приклад в плечо и выпустить по уцелевшим немцам длинную, на весь рожок, очередь. Удержать оружие в руках оказалось сложно, ствол упорно задирало вверх, и, наверное, не меньше половины пуль ушло «в молоко». Но и тех, что попали, хватило. А со стороны леса уже гремели выстрелы, и с воплем упал с вышки один из пулеметчиков...

Все было кончено меньше чем за минуту. К тому моменту, когда Хромов сменил магазин, стрелять было уже не в кого. Ну и замечательно! И вновь организм удивил – почему-то страшно захотелось есть. Что, впрочем, по здравому размышлению – с самого утра он съел всего-то пару сухарей.

Еще одно доказательство того, что когда всерьез проголодаешься, чужие трупы аппетит не портят. Так что когда остальные подошли, Сергей, освободившись от тесного мундира и реквизировав одну из мисок, с аппетитом чавкал.

— Ну у тебя и нервы, — с ноткой восхищения в голосе заметил Мартынов, подходя. — Если так пойдет дальше, станешь хорошим солдатом.

— Нет уж, спасибо, как-нибудь переживу. И вообще, я пацифист. Садись, ешь, у них хороший повар.

— Пацифизм — это хорошо, — Мартынов сел рядом. — Но нам еще разбираться с пополнением.

— Знаешь, не хотел тебе говорить, но с ним будут проблемы.

— Это почему?

— Да потому, что когда вы в бинокль фрицев срисовывали, я потратил чуточку времени, рассматривая тех, кого планировали освобождать. Так вот, их, похоже, еще не сортировали, и среди них хватает офицеров.

— Командиров, — механически поправил его Мартынов, до которого, похоже, начала доходить неоднозначность ситуации.

— Да какая разница? — приподнял левую бровь Сергей. — Ты лучше скажи, что значат три шпалы на ворота?..

— ...Вы что, с ума тут все посходили? — орал подполковник Поженян, экспрессивно размахивая руками. Тот самый, с тремя шпалами. Кавказский акцент вкупе с развевающим-

ся полуоторванным шевроном, грязным и напоминающим драную тряпку, производили неизгладимое впечатление. – Как стоите? Что за вид?

Бедняга. Похоже, он от жизненных коллизий малость умом тронулся, лениво подумал Сергей. Глаза слипались, видать, остатки адреналина ушли, и теперь организм хотел только одного – спать! Спать, завалившись куда-нибудь, хотя бы даже под кустик, а не слушать этого придурка. Чтобы хоть как-то отвлечься, он в который уже раз осматривал царапины на прикладе СВТ, уже привычно уместив винтовку на сгибе руки. Получалось так себе.

Мартынов, очевидно, думал примерно так же. Во всяком случае, взгляд у него был таким скучающим-скучающим. И, когда Поженян на секунду прервал свой монолог, чтобы набрать в легкие свежую порцию воздуха, махнул рукой:

– Все, хватит. Идите, отдохните. Проспитесь, что ли. Товарищи командиры, кто знает местность и окрестные населенные пункты, прошу сейчас подойти.

– Вы что себе позволяете? – похоже, тот факт, что он тут никто, звать его никак, и особо ценное мнение учитывать никто не собирается, в голове подполковника укладываться не хотел абсолютно. Менталитет такой, никуда не денешься.

– Слушай, недополковник, – лениво бросил Игнатьев. Одетый в спортивную кофту-олимпийку, из расстегнутого ворота которой торчала волосатая грудь, с наганом за поясом и автоматом поперек груди, он выглядел немного гротескно

и в то же время воинственно. – Ты чего пристал? Иди, выспись...

– Да ты...

– Молчать! – обычно спокойный и не особенно громогласный Мартынов на этот раз ухитрился рыкнуть так, что Сергей еле подавил желание присесть. И сон из головы будто выдуло. Видимо, неугомонный Поженян и впрямь разозлил терминатора. – Ну-ка, мил-человек, предъяви-ка документы.

– Чего-о?

– Того. Документы, живо. Ты, сдается мне, эту форму с кого-то снял.

Разумеется, документов у Поженяна не было да и быть не могло – их любящие порядок немцы реквизируют в первую очередь. Однако из всех возможных сценариев действий он выбрал наихудший. С учетом кавказского гонора – предсказуемо, но от того не менее глупо. Проще говоря, он решил отобрать винтовку у ближайшего бойца.

От его бешеного рывка все немного ошалели и впали в ступор. Все, и хозяин винтовки в том числе – он не пытался сопротивляться, но вцепился в оружие будто клещ, подарив остальным пару секунд. А потом Сергей первым опомнился – сказала, видать, привычка к большему темпу жизни – и вломил нарушителю спокойствия прикладом СВТ под ребра.

От удара Поженян сложился вдвое, и воздух с хеканьем покинул его легкие. Не теряя времени даром, Сергей приложил его прикладом вторично, сбоку по тупой башке. Вполси-

лы, чтоб не убить, но получилось все равно неплохо. Посмотрел, как подполковник стекает на землю, и с трудом удержался от того, чтобы добавить еще пару раз, ногой под ребра. Впрочем, тут основную роль сыграла не жалость и даже не опасение пришибить ненароком, а тот факт, что кроссовкой бить малоэффективно. Мягкая, зараза...

– Арестовать. Головой отвечаешь, – ткнул он пальцем в первого попавшегося красноармейца из «своих», тех, кто пришел с ними еще с киносъемок. Тот, ничуть не удивившись и не ставя под сомнение правомочность отданного приказа, сноровисто вздернул ошалело мотающего головой Поженяна на ноги и скрутил ему руки за спиной куском веревки. Это радовало – похоже, основы иерархии уже сложились, во всяком случае, с «ветеранами», успевшими повидать их в деле.

А Мартынов, казалось, вовсе не обратил внимания на происходящее. Других забот хватало. Следующие несколько часов они провозились, планируя дальнейший маршрут и сортируя пополнение. В основном это оказалась пехота, несколько артиллеристов, но и танкисты нашлись. Последнее особенно радовало – удалось наконец сформировать экипажи для танков, оставив себе трофейную «четверку» и тот БТ, на котором тренировался в управлении Сергей. Из всех отечественных машин он был самым новым и в наиболее пристойном техническом состоянии, хотя места внутри оказалось даже меньше, чем в малолитражке. По сравнению

с ним «четверка» смотрелась лимузином. Увы, основным недостатком этого танка оказалась даже не теснота, а отсутствие ради и паршивая оптика. Увы, это была данность, с которой приходилось мириться.

И все же главное, что они получили от этой авантюры, было даже не пополнение, которое еще предстояло как-то вооружить. Имеющегося арсенала едва хватило на половину личного состава, и вдобавок пришлось дважды разбирать конфликты.

Расклад оказался тупым до безобразия. Все имеющиеся пистолеты и наганы были уже разобраны, часть самими пришельцами из будущего, а остальное красноармейцами. Среди свежесвободенных же нашелся не только подполковник Поженян, но и еще с десятков командиров в званиях от младшего лейтенанта до капитана. Этих Мартынов, не долго думая, назначил командовать спешно нарезанными взводами, оставив под своим непосредственным командованием только проверенную «старую гвардию». И кое-кто из комвзводов, все еще не до конца проникшихся ситуацией, попытались реквизи́ровать эти самые наганы...

Рядовые, считавшие оружие своими законными трофеями (это не вполне соответствовало истине, все же не они захватывали, но уточнять нюансы сейчас никто не собирался), раздавать стволы не собирались. В общем, до драк не дошло, но один из лейтенантов пережил несколько крайне неприятных секунд, рассматривая упершийся ему в живот ствол ре-

вольвера. Мартынов, конечно, смертоубийства не допустил, но и передавать оружие отказался. «Вот вам пока винтовки, а захотите другое оружие – в бою добудете». Вердикт не особенно понравился командирам, но выглядел как минимум справедливо, и возражать никто не рискнул.

Утром, уже собираясь выступить, все они стали свидетелями воздушного боя. На этот раз почти такого, как описывался у классиков приключенческой литературы и разнообразных историков. Одинокий самолет, внушительный даже по меркам будущего, с четырьмя моторами и смешного вида неубирающимся шасси, больше всего подошедшим бы гигантской коляске, шел на высоте метров триста, отчаянно кидаясь из стороны в сторону. Получались маневры на удивление ловко для такой туши, но на его преследователей, два-сто девярых «мессершмитта» с характерными осиными талиями и громадными черными крестами на крыльях, это не производило впечатления.

Даже без бинокля хорошо видно было, с какой легкостью немцы нарезают виражи вокруг своей жертвы. Бомбардировщик – а чем еще могла быть такая громадина – казался по сравнению с ними застывшим, как муха в янтаре. Однако вертеться-то немцы вертелись, а близко подходить не рисковали – бомбардировщик активно плевался во все стороны из пулеметов, расчерчивая небо короткими, злыми нитями трасс. Похоже, не столь и беззащитны были эти самолеты, как принято считать. При наличии грамотного и хлад-

нокрвного экипажа, естественно. А пулеметов у него была куча – ни Сергей, ни его товарищи характеристик таких машин не помнили, но тот факт, что вооружали отечественные летающие крепости на совесть, знали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.